

ЕЛЕНА ЕРШОВА

МЕДВЕЖЬЕ МОЛОКО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Ершова
Медвежье молоко

«Автор»

2023

Ершова Е.

Медвежье молоко / Е. Ершова — «Автор», 2023

Больше всего на свете Оксана ненавидит мать и однажды решается на побег, прихватив с собой дочку. Она не знает, что за ними начинается охота, в округе пропадают дети, а в карельских лесах находят трупы девочек с набитыми рябиной ртами. Оборотень по прозвищу Белый приглашен в качестве криминалиста-одоролога – специалиста по запаховому следу. Ему предстоит выяснить, как связаны убийства детей с легендами о белоглазой чуди. Когда по следу беглянки пускается Великая Медведица, пожирающая души, вода становится отравленной Болотным царем и начинается война между звериным и птичьим царством. Оксане и Белому придется войти в таинственный Лес, чтобы остановить убийства и исцелить умирающий мир. В оформлении обложки использована авторская иллюстрация Елены Ершовой.

© Ершова Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Белый	5
2. Побег	9
3. Отчий дом	13
4. Крах мира	18
5. Большая медведица	22
6. Первая зацепка	25
7. Сандармох	30
8. Время чудовищ	35
9. Простые решения	39
10. О людях и нелюдях	44
11. Кто ты будешь такой	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Ершова

Медвежье молоко

1. Белый

Девочку нашли, присыпанную палой листвой, в неглубоком овраге. Волосы уже оплела грибница, между обескровленных губ проглядывали раздавленные рябиновые ягоды.

– Грибники обнаружили, – в голосе опера слышалась легкая хрипотца. – Отец и сын. Мальчишка ей ровесник, будет теперь работка нашим психологам. Курите?

Протянул мятую пачку.

– Благодарю, мешает работе, – отказался Белый и, опустившись на корточки, потянул носом.

Даже сквозь марлю тянуло сладковатым духом разложения, смешанным с благоуханием осенней листвы. Крови не было. На иссиня-белой, будто полупрозрачной, коже – сгибах локтей, на плечах и, главное, у ключицы, – цвели черные гематомы.

Смерть в результате механической асфиксии. В заключении укажут именно это.

Белый почти распластался по земле, осторожно вдыхая запах мокрой коры и перепачканных грязью волос, пряный аромат кожи и мха, отдаленную, но все-таки резкую вонь мужского одеколona.

– Прошу вас отойти, – Белый глянул на опера снизу вверх.

Тот стушевался, как терялись все, кто напрямую сталкивался с его взглядом – один глаз у Белого был светло-голубым, другой отливал в желтизну, – и осведомился:

– А собачку когда ожидать, Герман Александрович? Астахова интересуется, она у нас баба ух! С самого утра лютует.

– Нет никакой собачки, – ответил Белый, – один работаю.

Дождавшись, пока мужчина отойдет, вытянул марлевый шарик сперва из левой ноздри, потом из правой.

Волны запахов обрушились сразу со всех сторон, закрутили в водовороте. Прикрыв глаза, Белый переживал этот первичный поток, постепенно раскладывая вязкую хаотичную массу на ручейки разрозненных запахов – от опера несло одеколоном, куревом и подгоревшим омлетом, полицейский «Уазик» распространял удушливую бензиновую вонь, над головой судмедэксперта висело формалиновое облако, после грибников остались следы кислого пота, резины и сырости. Все лишнее Белый усилием воли стер с невидимой доски, оставив только запахи погибшей.

Ее задушили прямо тут, в овраге. Перед смертью девочка обмочилась – от прелой хвои под ногами шел слабый аммиачный запах, а вот следов спермы не обнаружилось – девочку не насиловали ни до гибели, ни после нее. И все забивал стойкий рябиновый дух.

Белый уже чуял его раньше, у Рыбацкого пролива, где из воды выловили тело тринадцатилетнего подростка. Состояние не позволило точно определить, был ли мальчик задушен, смерть списали на несчастный случай, но в желудке обнаружили несколько рябиновых ягод, и кое-кто засомневался, причислив погибшего к цепочке пропавших детей. Одним из сомневающихся был сам Белый, другим – Лазаревич.

Это он позвонил тем сентябрьским вечером, когда сумерки за окном налились болезненной синевой, за облачностью зрела луна, суставы крутило после *изменения*, а запахи гниющих яблок и рассыхающегося дерева не могли перебить уксусную остроту. Белый глядел на бутылку стеклянным взглядом, и костяшки пальцев, сжатые вокруг горлышка, сводило судорогой так, что он долго не мог распрямить их, чтобы взять со стола вибрирующий телефон.

– Уж полночь близится, а Герман ли на месте? – голос был слегка приглушен динамиком. – Сергей Леонидович говорит. Помнишь?

– Да.

Голосовые связки не до конца вернули прежнюю эластичность, а потому слова выходили невнятными. От запаха уксуса мутило. Успел отхлебнуть или решимости не хватило? Не хватит, говорил себе Белый, потому что бирюк и выродок. Разве это – жизнь?

– Жив, сукин сын?

– Поживее видали.

– Ты мне это прекрати! – строго сказал Лазаревич. – Рано на *Ту* сторону собираться! Работа есть. В Лес пойдешь.

– Хрена лысого!

Скрутив невидимому собеседнику дулю, Белый толкнул колченогий стол. Бутыль опрокинулась, выхаркнула на пол яд и закрутилась у самого края, балансируя, но все-таки не падая.

– Пойдешь, – повторили в трубке. – Специалист нужен. Слышишь? Позарез! Новости не смотришь, поди?

Белый неопределенно повел плечом. Миром он давно не интересовался, ограничив свое с ним общение редкими вылазками до «Пятерочки». Там поджидало искушение: прилавки со свежим, а чаще – чуть лежалым мясом, женщины с железистым душком месячных, мужчины со свежими порезами бритвой. Так пахла добыча. Все в этом мире – пестрое, живое, дышащее, пульсирующее, наполненное теплой кровью и снующее мимо Белого, – истово дергало за тонкий нерв зверя. Каждый раз, выходя в большой мир, Белый боялся, что снова не выдержит.

Но после звонка Лазаревича – того Лазаревича, что дважды вытаскивал Белого с *Той* стороны, один раз после срыва, и другой – теперь, – он, склонившись над унитазом, совал два пальца в рот, прочищая желудок от уксуса: вдруг все-таки успел хлебнуть? А уже на следующий день купил билет до Приозерска и трясся в автобусе, вдев в ноздри марлевые тампоны. Попугачики его сторонились, как сторонятся любого чужака, непохожего на них самих, а мимо проносились сосновые леса и болота, болота и леса, и не было им края.

Сперва – Приозерск.

Потом – Петрозаводск.

И вот – Медвежьегорск.

Ареал работы маньяка оказался весьма широк.

– Меня терзают смутные сомнения, что наш маньяк через Лес работает, – сказал тогда Лазаревич. – А доказать не могу. И рябина... К чему бы тут рябина?

Ответа Белый не знал, но очень хотел выяснить.

Карелия щетинилась незабываемым лесным массивом, но все-таки не была лесом. Вернее, не тем Лесом, в который Белый готовился нырнуть.

Тот Лес встречал туманом и шорохом опадающей хвои. В *том* Лесу Белый входил всегда настороженно, пятаясь, и никогда не глядя через плечо, пока туман не окутывал его белесой взвесью, а нос не начинал щекотать запах озона, какой бывал во время грозы.

Посчитав, что забрел достаточно глубоко, Белый медленно повернулся.

На первый взгляд ничего не изменилось: так же у дороги темнел «Узик», негромко переговаривались криминалисты и бескровными холмиками выступали над листвой едва начавшие формироваться груди и колени погибшей. И все-таки – стало немного иным. Лес наслаивался на реальность, дополняя и изменяя ее, и Белый видел реальный мир голубым глазом, и видел его изнанку – желтым. Над недавно постеленным дорожным полотном колыхались заросли папоротника, и по разлапистым листьям ползали поблескивающие слюдяными крылышками твари. На крыше «Узика» росла волчья ягода, из ребер умершей проглядывала ежевика – срывать ее было нельзя, в ней вызревала ядовитая жабья икра. В осиннике, перекрывая сиротливое кукование, кто-то перешептывался и гудел.

В Лесу все чувства становились острее, и каждый раз, погружаясь в него, Белый ощущал что-то сродни эйфории.

Еще раз обнюхав место преступления и уже не опасаясь быть замеченным полицейскими, он развернулся к востоку и побрел, цепляя мантией боярышник.

Девочку несли со стороны Медвежьегогорского шоссе – в земле виднелись небольшие углубления, но определить протектор подошвы не представлялось возможным – ночью прошел дождь и размыл рисунок. Асфальт не хранил на себе отпечатков чужих ног, зато их хорошо сохранил папоротник. Под подошвой что-то растеклось алой кашицей. Отступив, Белый тронул мыском раздавленные ягоды рябины, и лесная мелочь прыснула из-под ног. Туман принес знакомый запах с другой стороны шоссе, и Белый пересек его, углубляясь в Лес параллельно железнодорожному полотну.

Ее кормили рябиной сначала жалеючи, потом – насильно. Белый почти видел, как девочке протягивают горсть, полную алых ягод. Она мотала головой, просила отпустить, и тогда ей насильно разжимали рот...

Втянув окружающие его запахи, Белый вдруг подумал, что совершенно не чувствует запах убийцы. Девочка была тут, это он знал совершенно точно – ее шлейф висел в воздухе, будто прокладывал невидимую тропинку, а вот почуять убийцу отчего-то не удавалось. Он мог быть мужчиной или довольно сильной женщиной, иначе как унести на руках двенадцатилетнего подростка? Девочка к тому же отличалась спортивным телосложением и, судя по всему, занималась верховой ездой. Она обожала молочный шоколад и лошадей, наверняка мечтала о собственном пони и накануне ходила с подружками в пиццерию – от нее еще пахло тестом и колбасками пепперони. Она вошла в Лес, не зная, что ее подкарауливает хищник. И этот хищник сделал все, чтобы оставаться невидимкой.

Что-то с шорохом осыпалось с веток, мягко стукнуло по затылку. Белый глянул вверх.

Небо наливалось предвечерней чернотой, хотя наручные механические часы показывали полдень: в Лесу время двигалось по-своему, пространство искривлялось, и если уж вошел в лес, будь готов, что выйдешь из него совсем в другом месте и другом времени, даже если пробыл в нем всего-то пару минут.

Ветви рябин гнулись под тяжестью гроздьев. Ягоды алели кровавыми сгустками, время от времени падали в мох и хвою – под ногами стлался ковер из прошлогодних листьев и свежих ягод. А еще на рябинах сидели снегири – не рано ли для начала октября? Великое множество снегирей! Алогрудые, точно вымазанные рябиным соком, они уставили на Белого немигающие горошины глаз и выжидали.

Белый выпрямился, медленно опуская руки. Главное в Лесу – сохранять спокойствие, даже если над головой темно от птиц. Их неподвижность была неживой и оттого пугающей. Белый понимал, отчего они собрались тут, неподалеку от трупа девочки, в Лесу, полном осенней сырости и предзимнего умирания. Но все-таки нужно проверить.

Почти небрежно потянулся к карману. Пальцы нащупали оплавленный краешек, потянули.

– Руки за голову!

Негромкий окрик прозвучал в Лесу громовым раскатом. Снегири порхнули – красно-черная туча взвилась над рябинами, воронкой втянулась в небо. Белый повалился на землю, заслоняясь от бьющих по лицу крыльев, выронил закопченное стекло. Сквозь мельтешение птиц видел, как женщина за его спиной втянула голову в поднятый ворот пальто, но удержалась на ногах, не сводя с Белого пистолета.

– Живее! Руки, я сказала!

Ее голос перекрывал вихревой гул. Последняя замешкавшаяся птица порхнула с ветвей, просыпав несколько ягод. Не оборачиваясь, Белый поднял ладони:

– У меня есть разрешение.

– Молчать! Ноги на ширину плеч, лютый! У меня серебряные пули! И я не побоюсь всадить их в твою задницу, перевертень!

– Ликан, с вашего позволения, – поправил Белый.

Она приблизилась со спины, умудряясь оставаться на безопасном расстоянии. Фигура была обведена мерцающим ореолом – это было ожидаемо, ведь обычный человек не сунется в Лес, тем более не отыщет перевертня по следу.

– Разрешение в левом кармане, – повторил Белый. – Взгляните сами.

Цепкие пальцы выудили из кармана мантии бумагу. Женщина вчиталась, хмуря брови и время от времени дергая уголком рта. На вид – немногим больше тридцати, высокая и поджарая, красивая строгой северной красотой, с каштановыми волосами, собранными в пучок.

Легавая.

Она дочитала и издала грудной вздох, как показалось Белому – сожаления, бросила небрежное:

– Штрих-код?

– Я могу опустить руки? – осведомился Белый.

Не дождавшись ответа, молча оттянул ворот мантии, обнажая татуировку у основания шеи. Кажется, женщину это удовлетворило.

– Капитан Астахова, – представилась она. – Вероника Витальевна, начальник местного угро по Медвежьегорскому району. Значит, вас прислал Сергей Леонидович.

– Он, – подтвердил Белый, оборачиваясь и протягивая ладонь. – Резников Герман Александрович, специалист по запаховому следу. Но все зовут меня Белым. Вы видите, почему.

Он склонил белую голову в полупоклоне, но женщина и бровью не повела.

– Нюхач, значит.

– Одоролог. Могу предъявить сертификат.

– Тогда рассказывай, что унюхал, лютый. Только из Леса выйдем, – сказала Астахова, давая понять, что инцидент исчерпан и что она предпочла бы перевертню хорошего кинолога с овчаркой, но против веского слова Лазаревича возражений не имела. Впрочем, руки так и не подала.

Что люди, что двоедушники одинаково брезгливо относятся к перевертням и альбиносам, но за тридцать лет привыкаешь и не к такому.

И Белый начал рассказывать.

2. Побег

Альбина рисовала снегирей, фломастеры поскрипывали – процесс в самом разгаре. Закончив, девочка протягивала матери изрисованный лист, сопровождая радостным:

– Еще птички!

Их на переднем сиденье скопилось с дюжину – бока атели спелыми яблоками, густо заштрихованные безглазые головы с несоразмерно вытянутыми, будто у ворон, клювами, производили на Оксану отталкивающее впечатление.

– Может, нарисуешь зайчика? – предложила она, не отрывая взгляда от дороги и опуская козырек: солнце жарило в лобовое, даром что октябрь. – Степашку, как в «Спокойной ночи»?

Альбине одиннадцать, а ума – точно у пятилетки. Солнечное дитя. Синдром Дауна.

Светлая макушка в отражении упрямо колыхнулась влево-вправо, и скрип фломастеров возобновился. Оксана вздохнула: пусть лучше рисует, чем хнычет. Если верить навигатору, до Медвежьегорска или Медгоры, как говорили местные, оставалось чуть менее тридцати километров. Еще один утомительный час в дороге, не считая остановок – бесконечные дорожные работы прибавляли к поездке лишнее время и выматывали долгим ожиданием.

Оксана покрутила колесо настройки радиоприемника. Шипение сменилось отдаленными голосами:

– ... Авсейкин Никита, десять лет, Приозерск... неизвестно... родинка на правой щеке... в джинсы, синие кроссовки... любую информацию... пятьдесят четыре – пятьдесят два... проверка информации...

Сморщившись, выключила приемник. Слушать новостные каналы стало решительно невозможно, ориентировки «Лизы Алерт» передавали с завидной регулярностью: восемь пропавших детей за последнюю неделю, из них – трое погибших. Черно-белое фото тринадцатилетней девочки с подписью «Найдена. Погибла» занимало первые полосы газет.

Оксана поклялась не спускать с Альбины глаз, втайне надеясь, что в Карелии будет безопаснее, нежели в Ленинградской области, где родители провожают детей за ручку до самых классов и встречают, отпрашиваясь с работы; где расклеены оранжевые объявления с портретами пропавших, трое из которых уже никогда не вернуться домой, потому что найдены обескровленными, голыми, с набитыми рябиной ртами. И какому психу придет на ум такое?

Несколько раз вдохнув и выдохнув через сжатые зубы, чтобы успокоить скачущее сердце, спросила через плечо:

– Пить хочешь, солнышко?

Придерживая руль локтем, протянула бутылку-непроливайку дочери. Альбина мотнула головой:

– А когда приедем?

– Скоро, милая, – пообещала Оксана, едва веря, что выполнит обещанное. Дорога петляла вдоль глухих сосновых лесов и озерных блюдец, и уже трижды после Кондопоги они останавливались, чтобы сбежать в кусты и перекусить бутербродами. Хорошо, что на этот раз от питья Альбина отказалась: если придется останавливаться снова, Оксана просто не сможет вернуться за руль – мышцы уже сводило от напряжения.

Она поднесла бутылку к губам, сдавила пластиковые бока, ожидая, пока теплая жидкость польется в горло, как вдруг по-осиному зажужжал телефон.

От неожиданности Оксана дернула плечом, и капли упали на клавишу. Негромко вырвавшись, она убрала бутылку и скользнула взглядом по экрану смартфона.

Мама.

Ладони взмокли. Оксана вильнула рулем, и колесом заехала на сплошную – благо, встреча была пуста. Выровняв «Логан», она стиснула зубы, стараясь унять горячую дрожь. Телефон вибрировал. Разрисованные листы под ним сухо шуршали.

Оксана обернулась через плечо: сумка лежала на заднем сиденье рядом с детским креслом – не дотянуться, а ведь наушники были бы кстати. Попросить Альбину? Дочка увлеченно возила фломастером по альбому – ярко-алый цвет сменился бледно-розовым, от этого птичья грудь походила на освеженное мясо.

С губ сорвался всхлип.

Надо подождать. Немного успокоиться и подождать – тогда звонок прекратится сам.

Хотелось зажмуриться. Хотелось стать невидимой. Испариться. Может, даже провалиться в один из карьеров, где добывали щебень. Вот только мать достанет и там.

Телефон затих, потом снова настойчиво загудел.

Сколько будет таких попыток? Оксана боялась, что бесконечно много.

– Мама, – сказала Альбина с заднего сиденья. – Баба Маша звонит.

– Конечно, солнышко, – механически ответила Оксана севшим голосом и сжала пластиковый корпус смартфона, горячий и скользкий от ее ладоней. Потом шепнула в динамик: – Да...

– Ксю-ша-а! – плаксиво взвыли в трубке. – Тебя к ужину ждуть?!

– Нет, – хрипло ответила Оксана.

– Не слышу-у!

– Нет!

С выскальзывающим телефоном вести было неудобно, слова давались с трудом.

– А что случилось? – напирала в динамике. – Где внучка?

– Со мной...

– А ты где?! Почему связь пропадает? Говори громче! Где твои вещи? Почему машины во дворе нет?

– Потому что я уехала, мама.

В телефоне установилась тишина. Оксане хотелось сбросить вызов, но телефон будто прилип к уху, пальцы не разгибались. Ей представилось мамино лицо: круглое, постепенно расцветающее багровыми пятнами. Непонимание в невыразительных глазах сменяется обидой, затем гневом.

– Уехала? – повторили в телефоне. – Куда? К... *этому?*

Последнее слово мать выплюнула с явным отвращением. Какая-то Оксанина часть была с ней согласна, другая же намеревалась выдержать разговор до конца.

– Нет. Я же сказала, с Артуром у нас все.

– Знаю я тебя! Поманит и поскачешь как миленькая! Хоть бы дочь пожалела, потаскуха!

Слово было как пощечина. Оксана задохнулась, до боли вцепившись свободной рукой в руль.

– Дрянь ты! – продолжала говорить мать, и ее голос вворачивался шурупом. – Тварь неблагодарная. Я на тебя лучшие годы положила! Я тебя приютила, гадину! А ты чем матери отплатила, а?! Бросила мать! Родную кровиночку увезла! А у матери сердце больное! – она теперь кричала, срываясь на визг. – Никому не нужна! Дочери родной не нужна! Так-то за добро отплатила?! За ночи бессонные! За крышу над головой! Гадин ты! Шалава! – Оксана слушала вполуха, цепenea от слабости и невозможности это прекратить. Глаза щипало, дорога превратилась в подрагивающее желе. – Проститутка ты последняя! Стерва бессердечная! Ох, горе! Ох! – голос звучал теперь, точно сквозь вату. – Умираю! Ох, убила дочь родная! Прямо в сердце ножом! Ксю-ша-а!!

Визг перешел в рев. Солнце над дорогой померкло – его пересекла громадная тень. И тонкий Альбинин голос отчетливо произнес:

– Мама! Смотри, бычок!

Оксана выронила телефон и успела вывернуть руль.

Машину повело. Стена леса сдвинулась вправо, в стекла полетел мелкий гравий. «Логан» остановился на обочине, чудом не вылетев за отбойник, и благополучно заглох.

Оксана прижала ладони к лицу и сидела бесконечно долго. В телефоне слышались короткие гудки – их размеренность вызывала в теле непроходящую дрожь.

Эта старая маразматичка едва не угробила их! Своей истерикой она чуть не довела Оксану до нервного срыва и не угробила вместе с внучкой!

И что с Альбиной?

Хотелось обернуться – и было боязно обернуться. Воображение рисовало тысячу ужасных картин, которые Оксана так же мысленно стерла усилием воли. Под сердцем стало тесно и холодно.

– Альбина? – сипло позвала она и принялась расстегивать ремень, кнопка скользила в мокрых пальцах. К ее облегчению, в зеркале отразились испуганные глаза дочери. – Ты в порядке? Я сейчас приду к тебе, малыш...

– Не открывай, – ответила та почему-то шепотом. – Там страшный бычок.

Оксана перестала бороться с ремнем и глянула через стекло.

Посреди дороги и немного позади них стоял лось.

Оксана вздрогнула, представив, что стало бы с ней и с Альбиной, если б животное врезалось в машину.

Крутые бока вздувались и опадали, напомнив Оксане кузнечные мехи. Голова, увенчанная рогами – левый оказался обломан, – клонилась к земле, и ноздри беспрерывно двигались, точно вынюхивая след. Оксана не была уверена, что лоси ведут себя именно так.

– Мама! – громким шепотом произнесла Альбина. – Его поклевали птички.

Теперь Оксана поняла, отчего бока лося ходят ходуном: в шерсти, черной от запекшейся крови, зияли сырые проплешины. Кое-где шкура отходила лоскутами – там уже вовсю пировали слепни, – и виноваты были совсем не птички. Нет, не птички! Но какой зверь мог нанести такие раны?

При мысли о неведомых хищниках, может, даже медведях, Оксана снова покрылась липким потом, не зря же это место издревле называлось Медвежьей Горой! Или раны нанес человек? Тот, кто набивает рты мертвых детей рябиновыми ягодами? Нет, вряд ли человек справится со зверем, не справится и сама Оксана. Надо убираться, и как можно скорее!

Она нащупала ключ зажигания. Повернула. Мотор успокаивающе зарокотал.

Лось приподнял голову и уставился круглым коричневым глазом – только правым, потому что вместо левого виднелась стянутая коростой дыра. В ней что-то копошилось и подергивалось, вызвав у Оксаны приступ тошноты.

– Солнышко, – дрожащим голосом произнесла она, плавно выжимая сцепление. – Не смотри в окно, хорошо?

– Почему? – спросила Альбина все тем же шепотом, но в ее голосе не было капризных ноток, и Оксана понадеялась, что уж с дочерью обойдется без истерик.

– Просто закрой глазки, – как можно мягче сказала она. – Нам нужно ехать.

Карий глаз лося завращался и закатился под веко, явив налитый кровью белок.

Сдерживая тошноту, Оксана медленно тронулась с обочины.

Только бы вернуться на полосу.

Только бы никто не помчался по встречке.

Только бы раненое животное не решило, что «Логан» представляет для него опасность, и не взялось атаковать.

Косясь на зеркала, Оксана осторожно вырулила на дорогу. Солнце поплававком повисло над косматыми, поросшими соснами холмами, щедро обливая дорогу янтарным светом, и все

позади машины – деревья, отбойники, неподвижная, точно окаменевшая, фигура лося, – превратились в силуэты.

Оксана вдавила педаль в пол.

«Логан» рванул, набирая обороты, стена леса покатилаь назад.

Время от времени Оксане казалось, будто по асфальту грохочут гигантские копыта – но это лишь сердце беспокойно колотилось в груди, да где-то под сиденьем непрерывно вибрировал телефон.

До Медвежьегорска оставалось тринадцать километров.

3. Отчий дом

Отец ушел из семьи, едва Оксане исполнилось три года. Она не помнила его, но помнила ощущение полета: чужие руки подбрасывали ее вверх, было страшно и весело, а глаза слепило домашнее шестидесятиваттное солнце. В ящике письменного стола долго хранила фотографию и едва узнавала себя в малышке с огромным бантом, чудом крепившимся к воробьиному хохолку, а у отца был острый вороний нос и черные волосы. Мать косилась и неодобрительно шипела:

– Опять на кобеля любишься? Ну смотри, смотри. Помни, кто тебя безотцовщиной оставил.

Во взгляде матери сквозило садистское злорадство. Оксана плакала украдкой, засыпая. Потом душила злость. Потом пришло спасительное равнодушие. И она испугалась, когда после выписки из роддома с незнакомого номера пришло сообщение: «*Медвежонок, поздравляю с дочкой. Папа*».

Это было похоже на шутку. Злую, затянувшуюся на двадцать три года шутку.

– Твои друзья? – спросила у гражданского мужа.

Тот прочитал смс осоловелыми от продолжительных пьянок глазами и ответил, что абонент ему неизвестен, что Оксану с дочкой ожидал домой только через пару недель, поэтому обещал Андрэ и Лешему пожить у него, что они талантливые музыканты, что он, Артур, будет у них на вокале и скоро – если Оксана наберется терпения и перестанет быть такой сукой, – они станут знамениты на весь мир, тогда бабки польются рекой.

Но Оксана быть сукой не перестала, ей нужны были деньги уже сейчас: на подгузники и смеси, на коляску, на ползунки, на вещи, в которых Артур понимал еще меньше, чем сама Оксана в фолк-роке. И потому случилась первая после выписки и самая крупная за последний год ссора.

Артур швырял из шкафа ее вещи и орал, чтобы она катилась со своим ребенком к матери. Оксана отвечала, что ребенок и Артуров тоже, и к матери катиться не захотела. Более того, от одной мысли ее бросало в холодную дрожь: представлялся торжествующий взгляд матери. Ее монументальная – руки в боки – фигура, и ядовитые, ненавидимые Оксаной слова: «Я-же-говорила!»

Оксане до подкожного зуда хотелось послать все на хрен, но возвращаться было нельзя. Оставлять Альбину без отца было нельзя! И поэтому запрятала обиду глубоко, на дальний чердак своей памяти, где зарастали паутиной душная злоба на мать и покинувшего семью отца.

И странное сообщение забылось под грузом насущных проблем.

А потом в дверь позвонил курьер.

– Вы, наверное, ошиблись, – сказала Оксана, подозрительно разглядывая огромного плюшевого медведя, перевязанного розовой лентой.

– Галерная, семнадцать, квартира десять, – ответил курьер и подsunул Оксане бумажку. – Распишитесь здесь и здесь.

На обратной стороне значился адрес и знакомое имя.

Оксанин желудок, измученный перекусами и изжогой, ошетинился иглами страха. Она машинально расписалась, посадила медведя в кресло и села напротив, свесив между колен дрожащие руки.

Альбина ревела, но, увидев игрушку, сразу замолчала.

Артур вторые сутки не появлялся дома. А вернувшись, вопросов не задавал. Зато на Оксанин номер пришло еще одно сообщение: «*Внучке понравился подарок? Перезвоню в 19:00. Возьми трубку, пожалуйста. Папа*».

Время потянулось.

Оглушенная недосыпом, Оксана механически готовила, меняла памперсы Альбине, что-то отвечала мужу, выдыхающему перегар и вдохновенно рассказывающему о новом приобретении – клетчатом мешке с множеством трубок, который Артур называл волынкой и который купил по дешевке с рук всего за тридцать шесть тысяч.

От озвученной суммы Оксана сжимала зубы и чувствовала обжигающий гнев. Но в воображении возникала снисходительная улыбка матери, и «яжеговорила» казалось страшнее волынки, безденежья и хронической усталости.

На всякий случай Оксана положила телефон в карман домашней кофты.

В половину седьмого она вышла с Альбиной на прогулку. Сердце колотилось прерывисто и безумно.

Она думала: а если это маньяк?

Думала: может, это жестокий розыгрыш?

Альбина ворочалась и никак не хотела засыпать. Оксана машинально качала коляску, глядя, как две вороны дерутся за кусок чего-то влажно-алого.

Когда телефон зазвонил, она уже не думала ни о чем и поднесла его к уху.

– Привет, медвежонок.

Голос оказался высоким и надтреснутым, будто у заядлого курильщика. Оксана не нашлась, что ответить, едва удерживая телефон в потеющей ладони.

– Прости, что долго не звонил. Маша не давала видиться. Но теперь все будет по-другому.

Разрешить?

Оксана сглотнула вставший в горле комок и спросила:

– Вы кто?

– Папа, – ответили в трубке. – Разве не узнала?

– Где вы достали мой телефон?

– У твоего мужа. Я не поклонник рока, но пенсионеров приглашали бесплатно. Поет он отвратительно, зато водку пьет профессионально. И болтает без умолку.

– Действительно, – пробормотала Оксана, гадая, где и кому Артур еще мог выболтать ее номер, подробности семейной жизни и прочие личные, а может, и постыдные вещи.

В коляске снова захныкала Альбина.

Оксана качнула коляску, мазнув взглядом по воронью: их карканье было неприятным, режущим слух.

– Не знаю, кто вы и что вам нужно, – сказала Оксана. – Но не звоните мне больше и ничего не присылайте. Иначе я обращусь в полицию. До свидания.

– Нет, подожди, – голос в телефоне прозвучал бескомпромиссно, и она замерла. Словно невидимая рука сжала ее запястье, не позволяя убрать телефон от уха и нажать отбой. – У тебя родинка на пояснице, – продолжил незнакомец. – И неправильный прикус. Ты просила маму поставить брекететы, но Маша ответила, что не позволит дочери выглядеть душой с этими железками во рту и что над тобой будут издеваться одноклассники. Хотя почти все девочки в твоём классе их носили. А на выпускной ты пришла в старом платье, купленном на Авито. Хотя я выслал пятнадцать тысяч на новый наряд. Маша вернула их почтовым переводом. У твоей дочери светлые волосы, как у тебя, и карие глаза, как у меня – если бы ты в одиннадцатом классе не порвала фотографию, то увидела бы сходство.

Он замолчал, точно улавливая эхо ее сердцебиения. Должно быть, оно разносилось сейчас по всему двору. Казалось, сердце вот-вот проломит грудную клетку и упадет в песочницу. И если о родинке и Альбине мог рассказать Артур, то кто узнал о брекетах и выпускном? Оксана ревностно оберегала детские травмы и избегала обсуждать их даже с близкими подругами.

– Чего вы хотите? – наконец спросила она.

– Иногда звонить тебе, – прохрипели в трубку. – И однажды увидеть Альбину.

Оксана сглотнула.

Ей хотелось сказать: где же ты был? Где ты был раньше, когда я плакала ночами и ждала тебя? Где был, когда я сбежала из дома в общагу? Где был, когда выскочила замуж за первого встречного раздолбая? Где был, когда таскали Альбину по врачам? Где был двадцать три года и почему появился именно теперь?

И не спросила, ответив вместо этого:

– Ладно.

– Просто ладно? – спросили в трубке.

– Просто ладно.

В трубке засмеялись. По крайней мере, Оксане хотелось верить, что это был смех – отрывистый, сухой, будто воронье карканье.

Нечеловеческий звук.

Она нажала отбой.

Малышка с интересом наблюдала за птицами.

Сейчас, спустя восемь лет, Оксана отчасти привыкла к присутствию отца в своей жизни. Они время от времени созванивались, он присылал деньги и вещи для внучки и крайне противился тому, чтобы Альбину отдавали в детский сад. Оксана отмахнулась, но после череды больничных и сама отказалась от этой затеи.

Теперь же, стоя на крыльце чужого дома, думала, что отец выглядит точно так же, как в скайпе, и чуть более старым, чем на фото.

Нереально худой, сгорбленный годами. Нос острый, клювом. Волосы черные, прорежены у лба, глаза с прищуром.

– Наконец-то свиделись, дочка, – сказал он. – Альбину привезла?

– Спит в машине, – ответила Оксана. – Спасибо, Олег Николаевич.

– Папа, – ответил он. – Называй меня так.

Дом оказался деревянным, но добротным, на два подъезда. Скрипучие ступеньки привели в коридор на четыре квартиры.

Оксана внесла сумку в комнатку – там стояла двуспальная кровать, застеленная стареньким пледом, какие вышли из моды еще в девяностые, но нет-нет, да встречались в хрущевках-«бабушатниках». У оленя в области бока истончился ворс, и Оксана, вспомнив раненого лося, решила, что от пледа избавится во что бы то ни стало. Сумку бросила возле неказистого, потемневшего от времени платяного шкафа. Выглянула в окно – оно выходило на приусадебный участок, где топорщилась зеленую рассада, а над ней двумя параллельными линиями перечеркивали небо бельевые веревки. Справа, за забором, краснел капот Оксаниной машины – возле нее мелькнула долговязая отцовская фигура.

Оксана поспешно спустилась во двор.

Сквозь окно виднелась белесая макушка Альбины. Девочка спала. Отец же, прижав ладони к стеклу и сгорбившись так, что сквозь черную майку явственно выступали острые позвонки, смотрел на нее, почти касаясь окна покатым лбом. Узкие губы едва заметно шевелились.

Оксану кольнуло тревогой.

– Подожди, я разбужу сама, – поспешно сказала она.

Приблизившись, увидела на стекле оставленные дыханием разводы. Отец выпрямился, отошел.

Альбина захныкала спросонья. Ладонью, испачканной фломастерами, принялась тереть глаза.

– Приехали, солнышко. Уже все.

– Я помогу донести, – предложил отец.

Оксана прижала к себе обмякшую дочь, рассеянно ответила:

– Нет, я привыкла.

Уже на пороге дома оглянулась через Альбинино плечо: распахнув переднюю дверь, отец копошился в кабине, что-то перебирая, рассматривая, проверяя. Почувствовав взгляд, повернулся, но Оксана успела войти. В последний момент она увидела, что держал в руках отец: это были Альбинины рисунки.

Оксана отнесла дочь наверх, и та сразу уснула, свернувшись на кровати. Ее лицо было умиротворенным и не по-детски серьезным. Оксана отвела со лба льняные волосы, обернула вокруг Альбининых ног угол пледа. Сколько ей предстоит провести в этом доме? У человека, ворвавшегося в ее жизнь и едва знакомого по редким звонкам и переписке? Сколько она выдержала с Артуром? А сколько с матерью?

Оксана прикрыла глаза и представила, будто ее несет водяной поток, прибывая то к одному, то к другому берегу, и никогда не задерживалась на одном месте надолго. Когда впервые это началось? Кажется, в седьмом классе, когда Оксана пристрастилась ночевать у подруги. У той родители работали по сменам, часто оставляя девочку на полуслепую бабушку. Оксана приходила, смущаясь, но с удовольствием ела бабушкины щи и простенькие бутерброды с маслом. Ее ни о чем не спрашивали, ни в чем не обвиняли, и атмосфера в старой хрущевке царила миролюбивая и уютная. Возвращаться домой Оксана боялась. Мать, хватаясь за сердце и закатывая глаза так, что становились видны страшные голубоватые белки, выла на тихой, монотонной ноте. Оксане хотелось забиться в угол, стать маленькой, как лесной зверек. Она научилась отключаться от реальности, уходя в глубину себя, как в нору. Тогда мать переходила от воя к ругани и угрозам:

– Дрянь ты! Шалава подзаборная! – орала, выплескивая слюну и злобу. – Ишь, глаза свои бесстыжие выпучила! Мать не жалеешь, до смерти доводишь! Лучше бы ты вообще на свет не появлялась! Лучше бы тебя в детдом отдать! Пусть тебя там в обноски одевают! Голодом морят! Глядишь, тогда человеком станешь, раз из тебя человека сделать не могу!

Руку, впрочем, никогда на Оксану не поднимала. А ей думалось – пусть лучше ударит и тем удовлетворит ненасытную злобу.

Оксана не знала, почему, уходя, она каждый раз возвращается снова. Может, потому, что, накричавшись, мать садилась рядом, вздыхая так глубоко, что разрывалось сердце, гладила широкой ладонью Оксану по затылку и приговаривала плаксиво:

– Ох и непутевая у меня дочь! Видать, Боженька так наказал, нести мне теперь этот крест до самой смерти. Потому и внучка народилась ненормальная. Ну да что поделать. Люблю я тебя, сволочь такую. Добра ведь желаю. Кому ты нужна, кроме матери?

Оксана соглашалась, что никому. И они ревели, обнявшись, со слезами выдавливая нарыв душевной муки и чувствуя после этого опустошение и легкость.

В дверь осторожно постучали.

Оксана встрепенулась и тихонько, чтобы не разбудить дочь, отперла.

– Ужинать будете? – спросил отец, деликатно оставаясь по ту сторону порога.

– Я буду. Альбина спит.

Отец стрельнул глазами за Оксанино плечо, и та неосознанно перегородила проход.

– Потом покормлю, ладно?

Отец покладисто согласился.

Кухонька оказалась тесной, но чистенькой. Пахло чем-то пряным и травяным. На столе, застеленном потертой клеенкой, стояли тарелки: две чисто белые и одна голубая с медвежонком.

– Сам готовишь? – спросила Оксана, помогая отцу выставить кастрюльку с пюре. Из-под крышки валил пар, но картошкой почему-то совсем не пахло. Оксана решила, что, наверное, не съест ни ложки, но обижать отца не хотела.

– Сам, я ведь один живу, – тем временем ответил он, раскладывая по тарелкам румяные, но тоже ничем не пахнущие котлеты. – Как от Маши ушел, так и не женился.

– Засолки тоже сам делаешь? – кивнула Оксана на тарелки, полные маринованных огурчиков, перцев, квашеной капусты и аккуратных, кругленьких как на подбор помидоров.

– Соседи помогают. А вот варенье сам варю. Попробуй, брусничное.

Оксана все же решилась попробовать отцову стряпню и с удивлением обнаружила, что она довольно недурна. От пюре, как и от котлет шел странноватый травянистый запах, но списала это на обилие приправ и заварочный чайник, источающий совсем уж густой травяной аромат.

– Я тебя все эти годы хотел повидать, – заговорил отец. – Машу обвинять не хочу, я виноват не меньше. Может, испугался ответственности. Может, не смог выдержать ее характер. А характер ее ты знаешь, – поджал узкие губы, глядя на Оксану исподлобья. – Хотел бы, чтобы она простила. Хочу, чтобы простила и ты.

– Давай не будем, – перебила Оксана. – Мы ведь приехали, и это главное.

– Я просто должен узнать тебя получше. Тебя и внучку.

Оксана улыбнулась через силу, ответив:

– Спасибо, что пригласил.

– Сколько пробудешь здесь?

– Не знаю... Не бойся, нахлебниками не будем.

Отец кивнул: уже знал по ее ранним рассказам, что Оксана работает по удаленке маркетологом. Высококласным специалистом ей стать так и не удалось, но на жизнь хватало.

– Буду помогать, чем могу, – сказал отец, разливая по чашкам прозрачно-янтарный ароматный чай. – Пенсию получаю хорошую, да и люди помогают. Вот, недавно травяным сбором угостили, трав в Карелии собирают превеликое множество. Хочешь, сходим завтра в парк «Вичка»? Сфотографируешься с медведем. – Он натужно рассмеялся: – Ненастоящий, конечно, но в наших краях и это достопримечательность. Да ты ешь.

Оксана пригубила из вежливости: язык обожгло, но вслед за этим пришел душистый, пряный аромат. От него слегка закружилась голова, будто Оксана вдохнула кислород полной грудью. Она сглотнула, сказала:

– Вкусно.

Тут же захотелось еще.

– Я на твоей машине вмятину заметил, – сказал отец. – Слева от бампера.

– Гадство, – поморщилась Оксана. – Наверное, все-таки в отбойник вписалась. Это я лося объезжала.

– Какого лося?

– Жуткого, – она передернула плечами, вспоминая запекшуюся глазницу и рваные, блестящие свежим мясом раны, и обнаружила, что почти допила чашку до дна. – А у вас что, медведи водятся?

– Не видел пока, – ответил отец. Поднялся, подлил Оксане еще чаю. – Ты пей.

Оксана пила. В животе разливалось приятное тепло, голова тяжелела. Еще одну чашечку – и упасть бы головой на подушку рядом с Альбиной. Отец говорил, и его голос проникал в сознание, будто через слой тумана:

– Теперь все будет хорошо. Теперь вы дома. Мать-то знает, где?

Уже засыпая, Оксана подумала, что не знает никто, но не нашла сил ответить.

4. Крах мира

Лось лежал поперек сплошной. Оксана боялась подойти, хотя в глубине души понимала – надо. Там, за дорожной разметкой, перепачканной кровью, начиналась дорога в беспечное будущее. Там исчезали хлопоты, связанные с вечными переездами, страхом, чувством вины и безденежьем. Ей будет хорошо вдвоем с Альбиной, стоит только переступить лосиную тушу.

Альбина стояла рядом, прикрыв глаза и положив голову на вздувшийся бок животного. Под шкурой что-то двигалось, и от того, что дочка прикасается к умирающему лосю, от смрада и вида крови Оксану подташнивало.

«Я его сбила, – подумала она. – И теперь он медленно умирает там, на дороге. Его заживо съедят черви, а глаза выключат птицы, и уже ничем не помочь...»

Под Альбининой ладонью шкура треснула и разошлась, и в трещине появилась остроклювая головка. Снегирь вспорхнул, подняв крыльями веер кровавых брызг. Оксана заслонилась рукой, но успела увидеть, как кровь веснушками усыпала Альбинины щеки.

– Мир треснул, мамочка, – донесся, будто издалека, голос дочери. – Уже ничем не помочь...

Из лосиного нутра потоком хлынули снегири. Их оглушающий писк вернул Оксану в реальность.

Ровно и глухо шли на кухне часы. Через узкую щелку между шторами пробивалось осеннее солнце, пахло подгнившим деревом и пылью. Наволочка под головой оказалась влажной, простыня сбилась в комок. Отбросив одеяло, Оксана потерла ладонями лицо. Мышцы тянуло, руки слегка дрожали, но это всего лишь последствие усталости и плохого сна. Сейчас она умоется, приготовит Альбине завтрак и все будет хорошо.

– Альбина?

Тишина. В колченогом кресле, наполовину скрытом скомканным покрывалом, пусто. Сумки так и стояли неразобранными в углу. Ни одежды, ни обуви дочери.

Вскочив с кровати, Оксана заметила, что спала не раздевшись, и вовсе не помнила, как легла. Кажется, разговаривала с отцом, пила чай – во рту еще сохранился травяной привкус, – а прочее изгладилось из памяти.

– Па... па? – слово получилось нелепым и непривычным. Оксана надеялась, что когда-нибудь перестанет испытывать внутреннюю неловкость, произнося его.

Босиком прошлепала в кухню, ступни холодили крашенные доски. Тарелки и чашки оказались вымытыми и стояли на своих местах в сушилке, в чайнике плескалось на доньшке.

– Альбина? Папа?

Слова давались с трудом, голова была тяжелой, точно с похмелья.

– Папа?

Он выглянул из второй комнаты, одетый в растянутую футболку и спортивные штаны. Глаза заспанные, а волосы прилажены, будто давно проснулся.

– Что случилось, медвежонок?

– Оксана, – машинально поправила она. – Ты Альбину не видел?

Отец таращился непонимающе, и Оксане захотелось встряхнуть его за шиворот.

– Альбину, – с нажимом повторила она. – Дочку мою, твою внучку.

– Как? – глупо спросил отец. – Ты не говорила, что у меня есть внучка.

Его рот задрожал, точно от смятения, вот-вот заплачет.

– Мы приехали вчера, помнишь? Мы пили чай, а Альбина...

– Медвежонок, – перебил отец, высоко скидывая острые черные брови, – вчера ты приехала одна.

Оксана умолкла, и слова умерли, не родившись.

Повернувшись на пятках, метнулась в комнату, принявшись перетряхивать сумки. Теплая одежда, носки, нижнее белье, аптечка с необходимыми лекарствами, косметичка, банные принадлежности, полотенца – все для нее, Оксаны. Не было ни спортивного костюма для одиннадцатилетки, ни теплого жилета, ни вязаного свитера, ни даже альбома для рисования. Оксана нырнула в кармашек рюкзака, где держала документы и вытащила паспорт. Свидетельства о рождении дочери в нем не оказалось.

– Ты! – она наступала на отца, чувствуя, как комната плывет перед глазами. – Куда дел ее вещи, отвечай?!

– Солнышко, ты утомилась с дороги, – он старался оставаться ласковым, тянул жилистые руки, оглаживая по плечам, волосам, заглядывал в глаза. – Утомилась, перенервничала. Хочешь, позвоним Маше?

Протягивал ей телефон, но от мысли позвонить матери внутри Оксаны сжималась холодная пружина. Оттолкнув заботливые отцовские руки, выбежала в осень, на ходу надевая куртку.

Улица Горького одним концом выходила к набережной, у светофора делала поворот и, втекая в улицу Дзержинского, шла мимо школы искусств к городскому парку «Вичка», о котором упоминал отец. Альбина, с ее любовью к лесным зверюшкам и краскам, вполне могла бы направиться туда, и Оксана месила кроссовками грязь, металась между аптеками и магазинами, хрущевками и скверами. Мелкий морозящий дождик капал за шиворот. Оксана встряхивалась, точно собака, не думая о том, что могла бы взять зонт, и не переставая звала Альбину.

Конечно, она проснулась раньше матери и ушла в парк, чтобы собрать красивый букет кленовых листьев. Или побежала за кудлатой собакой. Или попыталась поймать последнюю бабочку. А может, пеструю птичку, которых Альбина так любит.

Она увлеклась, ее маленькая глупая девочка, ведь «солнечные дети» часто увлекаются. Ушла к реке, в страшный и темный осенний парк, где подлесок путался под ногами, где ветви переплетались друг с другом и пахло прелой листвой и грибами.

Осознав, что почти заблудилась, а под ногами вместо деревянных настилов оказалась податливая почва, Оксана остановилась.

– Альбина?...

Не то спросила, не то простонала в пустоту. Имя упало мертвым камнем во влажную землю, а лес наполнился призрачным шорохом, шелестом опадающих листьев, хрустом сухостоя, далеким птичьим писком.

Подошва раздавила несколько алых ягод. Задрав голову, Оксана увидела отяжелевшие гроздья рябин. Их клевали снегири. Красные брюшки раздувались, будто накачанные рябиновым соком. При виде Оксаны птицы замирали, провожая ее черными, по-акулы бесстрастными глазами.

Давешний сон предстал в своей неприглядной мерзости. Смотреть на снегирей стало неприятно. Да и откуда им взяться в октябре?

– Альбина, – прошептала Оксана. И, прислонившись к ближайшей сосне, разрыдалась.

Возвращалась медленно, стараясь не потревожить жутких птиц и жадно вслушиваясь в лесные звуки.

Может, услышит, выбежит с хохотом из-за осин, обнимет, слюнявя Оксанину щеку с восторженным:

– Не поймала, не поймала!

Или протянет все-таки собранный осенний букет из оранжевых и влажных, кое-где сгнивших кленовых листьев.

Сперва Оксана решила отшлепать ее, может, даже мягким поясом от куртки.

Спустя еще несколько минут решила не шлепать вообще.

Выходя к домам поняла, что простит Альбине все, лишь бы она осталась жива и невредима. Накупит ей новых альбомов для рисования – акварельную бумагу и краски «Ленинград» в двадцать четыре цвета, скетч-буков и спиртовые маркеры. Пусть рисует, как умеет, хоть Винни-Пуха, хоть остроклювых снегирей, так похожих на ворон. Только бы вернулась...

Вспомнив, остановилась, быстро моргая, подле «Логана». Пальцы лихорадочно ощупали в кармане ключи.

Оксана рыскала в салоне, пытаясь найти хоть что-то – хоть светлый Альбинин волос, хоть цветную заколку, а лучше – ее альбом для рисования, испещренный рисунками снегирей. Заиклившись на чем-то, Альбина снова и снова это повторяла, а рисование было ее отдушиной, ее страстью.

Проверив сиденья и под сиденьями, бардачок и багажник, Оксана устало присела на край водительского кресла. Пот градом катился с лица: Альбина исчезла из Оксаниной реальности, будто ее и не было, со всеми вещами, документами и рисунками.

Словно ее действительно не существовало.

Откинувшись на подголовник, Оксана раздумывала, не закурить ли ей: сигаретами она баловалась еще в студенчестве, но бросила, познакомившись с Артуром. Потом случилась беременность, а после – взрослая жизнь. Теперь, цепляясь за расплывающуюся реальность, Оксана всерьез задумывалась о нераспечатанной пачке «Vogue» в бардачке, которую всегда возила с собой на «всякий пожарный» и чувяла, что этот «пожарный» уже наступил.

Склонившись к бардачку, она замерла, коснувшись ногтем пластиковой коробки. Под пассажирским сиденьем белел угол листка. Огненная волна прокатилась по хребту. Обмирая и страшась спугнуть удачу, Оксана медленно ухватилась за этот белый треугольник. Потянула.

Из-под сиденья показался рисунок: остроклювая птица с ярко-алой, будто вымаранной кровью, грудью.

Сдержав рвущиеся наружу рыдания, Оксана прижала рисунок к груди. Заходить в дом казалось кощунством, а видеть снова темный и бестолковый взгляд отца было выше ее сил. Найдя в смартфоне адрес отделения полиции, Оксана выбралась под набирающий силу дождь и побрела по улицам, пряча у сердца дорогой рисунок – все, что осталось от дочери.

В здании пахло побелкой и куревом. Разговор с дежурными прошел точно в тумане, а отдел уголовного розыска встретил неприветливо – забранными жалюзи и запахом кофе.

Сухие и скучные вопросы репьями цеплялись за сознание: как звали дочь, во что была одета, каковы особые приметы, когда пропала.

Оксана отвечала заученно, пугаясь собственного спокойствия: слезы остались в лесном мху, под рябинами, оседланными снегирями.

Воронцова Альбина Артуровна. Одиннадцать лет. Светлые волосы. Карие глаза. Да, генетическая редкость. Синдром Дауна. Одеты в красную куртку. Волосы забраны в хвостики с розовыми заколками. Белые кроссовки.

Не человек – ориентировка «Лизы Алерт». Фотография в оранжевой рамке.

Звонила ли в сто двенадцать? Еще нет, но прямо сейчас позвонит.

Оксана терялась, не зная, что предъявить в доказательство.

Нет документов. Нет свидетелей. Даже фотографий в телефоне. А личную жизнь Оксана в соцсети не выставляла. Остался только помятый рисунок.

Опера переглядывались. Кто-то, показалось Оксане, покрутил пальцем у виска, и она взвилась. Кричала, что не сумасшедшая, просила проверить прописку и совала раскрытый паспорт под нос капитанше в строгом костюме и с каштановыми, собранными в гульку волосами. Штамп прописки синел размытым родимым пятном. В графе «семейное положение» зияла пустота.

В конце концов она все-таки разрыдалась. Плакала и плакала, размазывая по щекам тушь и не обращая внимания на сочувственные, жалостливые взгляды.

Заявление все же приняли, но Оксана не верила, что все обойдется так легко. Ничто не могло пройти легко, когда вокруг находят мертвых детей с забитыми рябиной ртами.

– Альбина снилась мне сегодня, – сказала напоследок. – Она и... снегири. Вы видели когда-нибудь снегирей в начале осени?

Показалось: капитанша вздрогнула, на миг прервав заполнение бумаг.

Оксана выходила из участка, понуриив голову и все еще прижимая никому не нужный рисунок.

– Пойдите.

Чужой голос заставил ее замереть. Обернувшись, увидела бледное лицо в обрамлении белых, будто припорошенных снегом, волос.

– Позвольте взглянуть?

Ладонь мужчины оказалась такой же белой и мозолистой. Приняв рисунок, он долго разглаживал его, водил длинными сухими пальцами по контуру, огладил алую грудь и вороний клюв.

– Вы знаете, кто такие психопомпы?

– Кто? – слово послало вдоль Оксаниной спины ледяные мурашки. Вспомнились внимательные взгляды лесных птиц, алые росчерки ягод на прелой листве. И человек, стоявший перед ней, одетый в черные джинсы и черный балахон с безразмерным капюшоном – кажется, такой называли мантией, – показался вдруг угрожающим, чужим.

– Проводники в мир мертвых, – произнес альбинос. Голос у него был хрипловатым и столь же чужим, как он сам. – Древние люди верили, что душа умершего может потеряться по дороге при переходе в загробный мир. Для этого и существовали проводники. Обычно они представляли в образе ангелов, или животных, или птиц.

Оксана вздрогнула. Как скоро оранжевая рамка ориентировки сменится на черную? Хотелось верить, что никогда.

– Я верю, что ваша дочь жива, – словно прочитав Оксанины мысли, сказал альбинос. – Пока еще жива...

Приблизив рисунок к носу, он совершил странное: жадно обнюхал его, от белых краев до измаранных фломастером линий. Криво улынувшись, протянул рисунок Оксане. Она приняла его, встретившись со взглядом альбиноса – один глаз у него был голубым, второй – светло-карым, отливающим в желтизну.

– Герман, – представился он. – Но можете звать меня Белым. Все зовут.

– Оксана, – она пожала твердую ладонь, и альбинос сразу же спрятал руки в карманы мантии.

– Ваша дочь рисовала их, верно?

Дождавшись Оксаниного кивка, альбинос раздул ноздри, будто опять приносиваясь, и сказал:

– Я верю. Вы покажете место, где видели ее в последний раз?

5. Большая медведица

Она почувяла неладное еще утром: стукнула в окно синица и ухнула вниз. Насмерть. Весь день томительно ныло в затылочной кости.

Что-то должно было случиться. Что-то плохое. И оно не заставило себя ждать.

Квартира встретила тишиной и беспорядком. Собирались в спешке. Более того – схватили самое необходимое. Остальное валялось как попало – пудреница, флаконы духов, скомканные кофты, кеды, наволочки, белье. Под ногой хрустнул осколок кружки. Мара не успела разуться, но все равно показалось: осколок впился и достал до сердца. Оно сразу лопнуло, обдав внутренности кипящей кровью.

– Окса-ана...

Так же, не разуваясь, бросилась в кухню, оттуда – в спальню. Комнаты встречали однообразным хаосом и пустотой. Понимание ударило под дых:

– Сбежала, сука-а!

Осев у кровати, Мара вскинула лицо и завывала.

Девка росла безотцовщиной и дрянью. Уж сколько крови выпила, сколькими бессонными ночами отплатила матери! Нагуляла от своего вшивого музыканта девчонку, а та порченной оказалась.

– Дрянь! Шалава! Отвечай матери, сука! Отвеча-ай...

Пальцы не гнулись, набирая номер. Гудки текли через голову, не задерживаясь. Ответа не было, но Мара звонила снова и снова. Наконец, выронив бесполезный телефон, распласталась по кровати. Слезы насквозь вымочили наволочку, все еще пахнущую Оксаниным шампунем, и женщина прикусила ее зубами.

Неблагодарная стерва! Отцово отродье!

Сатин треснул и разошелся. Мотнув головой по-собачьи, Мара швырнула прикушенную подушку, сшибла с лампы абажур. Вот так! Будет знать!

Мара сползла с кровати и встала на четвереньки, тяжело дыша и дрожа всем телом. Так думалось легче, кровь толчками пульсировала в висках.

А все воронова гнилая кровь, даром, что не стала менять фамилию. Все бы ей порхать, да мужикам головы кружить, а в итоге с носом и осталась. Вот с таким носом, вороньим, вроде прицепа из большой девчонки.

Не заботясь об учиненном беспорядке, грузно поднялась на ноги. На пальто налипла пыль, и Мара собрала ее в горсть, с раздражением подумав, что и прибираться шалава-дочь не торопилась – все на матери.

Огладив ладонями волосы, застегнула на все пуговицы пальто. Телефон сжимала в руках, время от времени гипнотизируя темный экран и зверея от его немоты, от долгих гудков и невозможности дозвониться.

Дворовая кошка прыснула в кусты, едва заслышав тяжелые шаги – знала, что на пути рассерженной женщины лучше не попадаться. Воробьи порхнули и сели на изгородь, провожая Мару настороженными бусинами глаз.

Птиц она ненавидела больше кошек.

Осень накрыла Петербург точно по календарю, и после последних дождливых сентябрьских деньков погода наладилась. Меж облачных островков голубели жидкие просветы. С Невы дул непрекращающийся ветер, поднимая с дорожек пылевые вихри и подхлестывая в спины последних в сезоне туристов.

Они фотографировались на фоне Медного всадника и не видели, как постамент пронизывали перекрученные корни, покрытые мхом, будто струпами. Не замечали, как сфинксы облизывали змеиными языками свои человечьи лица, а с их губ сыпалась каменная крошка.

Не знали, что гранитные ребра набережной выросли из ребер тысяч и тысяч мертвецов – их кости давно вросли друг в друга, пальцы пронизывали деревянные сходни, а черепа, замостившие тротуары, блестели в свете тусклого осеннего солнца.

Никто из встретившихся Маре людей не был двоедушником. А она – была. И жила на свете слишком давно, чтобы видеть Лес, даже не заходя в него.

Нахохлившиеся, точно воробьи, распространители листовок мелкими перебежками пересекали Сенатскую. Их голоса осипли на стылом воздухе, впитавшем ядовитую прель болот. Черепа под подошвами хлюпали, погружаясь в бурюю жижу. Застывший в меди Петр протягивал к Неве обглоданную берцовую кость.

Мара видела добычу – алый берет и серое пальто елочкой, – и шла по следу.

Берет вильнул к Исаакию. Мощеная черепами дорога сменилась крупой из перемолотых костей. Потом под ногами спружинила гать, высланная из березовых бревен и человеческих позвонков – берет мелькал на Адмиралтейском проспекте и вдруг исчез. Вот только алел у памятника Пржевальскому – и растворился в осенней дымке.

Добыча ушла в Лес.

Мара остановилась, тяжело дыша и до боли сжимая пластиковый корпус телефона. Набрала заученный наизусть номер. На этот раз в трубке отозвались.

– Я уехала, мама.

Слова ударили наотмашь, пощечиной. Щеки разом запунцовели.

Не заботясь, что ее слышат прохожие, Мара ревела в трубку, грозя дочери всеми возможными карами. Сердце галопировало меж ребер, впрыскивало в жилы одну за другой порции обжигающей ненависти. Это казалось несправедливым, постыдным, ужасающе неправильным. Привычная к беспрекословному подчинению, Мара не сдержала ярости. Телефон с размаху ударился об асфальт – трещина пересекла экран уродливым шрамом. Такой же, казалось Маре, разломил надвое ее сердце.

– Дрянь! Паскуда...

Наступив на корпус, вмяла его в костную крошку.

В пылевых вихрях хихикали мелкие бесы.

– Вам плохо, женщина?

На той стороне реальности, откуда доносились мерные голоса людей, откуда кричали зывалы, где в объективах смартфонов колонны собора стояли незыблемо, еще не тронутые вечно голодными точильщиками, стоял невзрачный человек, и Мара замерла, встретившись с прозрачным и каким-то бесцветным взглядом.

– Пошел... вон! – наконец выцедила, отдуваясь.

Какое-то время человек смотрел на женщину пустыми рыбьими глазами, потом будто понял что-то и удалился так же быстро, как и появился. Пусть засчитает один-ноль в пользу своего ангела-хранителя, козел.

Кровавая полоска на горизонте истлевала, и над макушками сосен выкатилась белесая, с обгрызенным краем, луна.

Мара смяла грудью чахлый кустарник ежевики и врезалась в самую чашу.

Бежать было легко. Ветки хлестали по плечам, но боли не причиняли. Болото стонало голосами мертвецов. В земных лакунах копошились и плакали безрукие игоши.

Потянув носом воздух, Мара учуяла близкую птичью вонь.

– Сорока!

Мелькнула в подлеске черно-белая, елочкой, ткань, пластиком звякнули дешевые браслеты. Мара зарычала и, припав на четвереньки, помчалась вслед.

Она настигла сороку там, где сосны становились выше и гуще, а в небе отчетливо проступили звезды большого ковша.

– Ах! Это вы, Марья Михална! – притворно затрещала неопределенного возраста тощая тетка. – А я не признала, матушка, долго жить будете! Кха-а...

Мара перекрутила чужой пестрый шарф висельной петлей.

– Где? Говори!

Тощая тряслась и хрипела, и вместе с ней тряслись громоздкие серьги, и бусы под шарфом, и цыганские браслеты.

– Мне нужно знать, где Гнездо! Где скрывается воронья кость?! Отвечай!

– Не... знаю! – хрипела сорока, выкатив глаза, прежде цепкие, теперь налившиеся кровью. – Владыка держит Гнездо... втайне... не каждая птица...

– Врешь!

Прижала сороку тяжелой грудью, и та закатила глаза.

– О... не... – просипела добыча. – У Оне... го... ах...

Мара смяла ее лицо, будто бумажный пакетик. Брызнула, вытекая, невесомая птичья душа.

Мара пила ее, урча и облизывая выпученные глаза сороки шершавым языком. Вдыхала невесомый пух. Глотала кости. Насытившись, отбросила пустую оболочку.

Тетка – уже не птица, а скоро и не человек, – села, слепо шаря подле себя: искала берет.

Завтра, знала Мара, ее найдут мертвой у памятника Петру, с потрепанной картой под мышкой, а в морге диагностируют обширный инфаркт. Потеряв одну душу, вторая долго не живет, и кто станет подозревать в такой обыденной смерти честную пенсионерку, всю жизнь проработавшую в сфере общепита?

Вытерев рот ладонью, большая медведица побрела прочь, все дальше углубляясь в чащу.

6. Первая зацепка

– Она чокнутая, – Астахова раздраженно выровняла карандаши, постучала точилкой, выбивая опилки. – Паспорт пустой. Ни свидетельства о рождении, ни фотографий пропавшей. Чушь какая-то.

– Я ей верю.

Белый не отлипал от окна, спрятав руки в карманах мантии. На парковке женщина безуспешно крутила ключ зажигания, старенький «Логан» скрипуче кряхтел и не хотел заводиться.

– Увижу, что ошиваетесь возле ее дома, Резников, удавлю, не посмотрю на протекцию. Еще и рябины напихаю. Только не в рот, а в...

– Специфические фантазии у вас, Вероника Витальевна, еще и с моим участием. Вижу, вас заводят альбиносы? – откликнулся от окна Белый. – Лучше скажите, что по свидетелям?

– Пацан и без того едва заикаться не начал, а вы его добить хотите?

– Ведь не начал.

– Не своевольничайте! – Астахова погрозила карандашом. – Я не погляжу на штрих-код. Может, это просто ничего не значащая татуировка? Может, это вы той ночью блуждали по лесу, а? По Лесу, я хотела сказать, – с нажимом повторила она. – Я знаю почерк перевертней.

– Ничего вы не знаете.

Белый прошел по кабинету, задвинул на место стул – детдомовские привычки въелись подкожно. Астахова сонно моргала, не то от табачного дыма, не то от потолочных ламп. Легавые больше лают, чем кусаются. А вот перевертни – кусают, и еще как.

– Завтра в десять! – прокричала Астахова. – И не опаздывайте!

Он мягко прикрыл за собой дверь.

Это сейчас Белый относился к чужой неприязни с философским спокойствием – иначе нельзя. Обида перерастала в раздражение, раздражение – в гнев, а гнев выворачивал нутро наизнанку. Тогда случались *изменения*, и они не всегда были привязаны к лунному циклу.

Впервые Белый почувствовал себя другим в детском доме.

Там вечно пахло канализацией, носками и пригоревшей кашей. На первом этаже жили дошколята, на втором – подростки. Как и все сироты, Белый выбегал навстречу гостям, что привозили в детский дом игрушки, игровые приставки, сладости и другие подарки, которые редко доставались Белому.

Он с малолетства чувствовал свою непохожесть. Его дразнили злее, чем прочих, называя Седым, Молью, Уродом, и, конечно, Белым. И куда чаще раздавали подзатыльники и отнимали детдомовскую еду, богатую калориями на бумаге, на деле же представляющую из себя плохо проваренную рисовую или манную кашу, непрожаренные котлеты, супы с плавающим в бульоне куском курицы или овощи, на которые особенно богата осень.

Он научился давать сдачи, за что сам неоднократно был наказан воспитателями, не слишком разбирающимися, кто зачинщик. Единственным человеком, кто был к Герману добр, оказалась пожилая воспитательница Вера Ивановна, с очками, вдвое увеличивающими ее блеклые глаза.

– Не ложися на краю, – мягко пела она, сидя подле его кровати, установленной возле окна, где между плохо сдвинутых штор пробивался свет уличного фонаря. – Придет беленький волчок и ухватит...

«Почему беленький, когда волк – серенький?» – хотел спросить Герман.

И забывал.

Ему снился лес – густой, непролазный, над которым висела покрытая запекшейся кровью луна. При виде нее замирало дыхание и сладко ныло в груди, и мальчик просыпался заплаканным и мокрым.

Еще Белый больно кусался – до крови. Зубы у маленького Германа были крепкими, здоровыми и очень острыми. Такими же острыми, как нюх.

Уже в пять лет он мог учуять с улицы, что готовилось на детдомовской кухне.

Она знал, как пахнет свежее, в белых прожилках, мясо, и отличал свинину от курицы. Он чуял, насколько свежие привозили картошку, морковь или капусту с многочисленных фермерских огородов – овощи, как правило, были перезрелые, скользкие и малосъедобные, пусть повара и проявляли чудеса смекалки, добавляя их в те или иные блюда. Капусту сироты ели до самой весны, добавленную в пироги, запеканку, супы и котлеты.

К восьми годам Белый дорос до титула детдомовского психа, с которым общались только на кухне: старшие сироты приносили ему тарелки, требуя сказать, есть ли в котлетах капуста и лук. За это Белый брал небольшие подношения в виде конфет или маленьких резиновых зверей. Зверям Герман отрывал головы и в этом видел особый акт мщения каждому обидчику, а конфеты прятал под матрас, потому что Вера Ивановна утверждала, будто из сладостей вылезают мышки и прогрызают в зубах дыры. Она же и научила прятать истерзанные игрушки.

Найдя тигра с рваной бахромой на шее, она долго смотрела на него, а потом сказала:

– Волчок все-таки пришел. Теперь, Герочка, ночами нужно закрывать шторы.

Ему на миг показалось, будто вокруг фигуры воспитательницы пульсирует странное свечение, но то моргнула и окончательно погасла потолочная лампа. И с той поры окна Белый действительно не открывал.

В десять лет он узнал, каково на вкус сырое мясо.

Потрогав марлевые шарики в ноздрях и убедившись, что они на месте, Белый глубоко вдохнул ртом. Воздух отрезвлял, но вместе с тем приходило понимание: прошлое не вернется, а мертвые не воскреснут, как не воскреснет девочка с набитым рябиной ртом.

– Не заводится? Позвольте, помогу.

Он взялся за дверную ручку «Логана», и в стекле отражение альбиноса наслоилось на испуганное лицо женщины. Дверь оказалась заблокирована.

– Так вы хотите, чтобы вам помогли, Оксана? Хотите найти дочь живой?

Он старался говорить доверительно, хотя знал, что его плохо слышно по ту сторону двери. Щеки женщины лихорадочно пунцовели, ногти с испорченным маникюром нерешительно постукивали по кнопке блокировки. Матери пропавших детей – они все такие. Полые внутри, будто елочные игрушки. Их истончает горе и страх – коктейль, который Белый чуял даже сквозь марлевые шарики. Тронь – разлетится на осколки, да еще заденут тех, кто поблизости.

А еще они имеют хороший нюх на зверей.

Те, кто чувствует зверя, всегда прячутся за металлическими засовами, задернутыми шторами, за пентаграммой из соли и серебряными украшениями, прилаженными к дверной коробке. Потеряв дочь и ступив на край безумия, Оксана балансировала на нем, позволив всем чувствам обостриться.

Она глядела со страхом, будто пыталась разглядеть за внешней оболочкой Белого его истинную суть. А что Белый мог противопоставить паническому страху?

Он спрятал зарождающееся зубоскальство за поджатыми губами, и снова заговорил, как говорят с умственно отсталыми или детьми, повторяя и повторяя просьбу, как заезженную пластинку.

Я помогу.

Откройте.

Впустите, Оксана.

Увидите дочь.

Живой.

Слова заполняли чужую пустоту и – Белый наблюдал в собственном двоящемся отражении, – глаза женщины постепенно наполнялись смыслом.

– Хо... рошо, – выдохнула она в стекло, тут же подернувшееся туманной рябью.

Щелкнули, открываясь, замки.

Белый распахнул дверь и подхватил Оксану, прежде чем она со стоном уткнулась в его живот.

Он неумело гладил по ее волосам, путаясь в нечесаных колтунах и беззвучно матерясь, а вслух бормотал что-то незначительное, но доброе. Первичный страх, громоздким комом забивший Оксанины легкие, истаявал и вытекал слезами. За долгие годы работы на Лазаревича Белый понимал, что людям нужно время выплакаться, тогда вслед за шоком придет тупое спокойствие, которое в свою очередь сменится принятием. Тогда-то и можно начинать работу.

– Хотите, я сяду за руль? В молодости я неплохо водил, пока не отобрали права.

Она подняла покрасневшие глаза.

– Как же без прав? А если остановят?

– В этом медвежьем углу? Кто?

Белый широким жестом обвел улицу, пустынную в сумрачный будний день. Женщина проследила за ним и неуверенно улыбнулась.

– Спасибо, – сказала она. – Правда, спасибо. Только берегите, ладно?

– Машину? – уточнил Белый, галантно помогая Оксане вылезти с водительского кресла и пересесть на пассажирское.

– Нас.

Уронив подбородок на грудь, стеклянно наблюдала за хороводом листвы и мельтешением фонарных столбов, убегающих за спину.

Вторая стадия никогда не нравилась Белому. Было в этом что-то неправильное и мертвое, отчего волоски на шее вставали дыбом. Он попросил говорить, и Оксана начала рассказывать.

О шоке от озвученного диагноза, о тяжелых родах, о размолвках с Артуром, с которым дело так и не дошло до официальной регистрации. О том, что Альбина любила на обед, и как расцветала после арттерапии. О вечно недовольной матери...

На этом моменте Оксана умолкла, дернув плечом и не решаясь продолжать.

Белый все понял и не настаивал, но сделал мысленную заметку.

Неудавшегося мужа, конечно, можно и вычеркнуть из списка подозреваемых, но на всякий случай лучше подать запрос в Петербургский отдел и выяснить, отлучался ли он из города в последние дни, а если отлучался – то куда.

Гораздо интереснее была Оксанина мать. Но расспрашивать о семейных конфликтах сейчас – не место и не время. А потому, повинуясь подсказкам, Белый повернул на узкую улицу, застроенную двухэтажными деревяшками, и аккуратно припарковался в одном из дворов, по виду ничем не отличимых от тысячи таких же – палисадники с уже увядающими астрами, застиранное белье на веревках, плохо покрашенные лебеди из шин. Возле подъезда умывался полосатый кот, который при виде Белого выгнулся дугой и с гортанным мявом скрылся в зарослях палисадника.

В подъезде пахло отсыревшим деревом. Три ступеньки проскрипели приветствие, и у порога Белый привычно остановился, не донеся палец до кнопки звонка.

– У меня ключи, – Оксана обошла его, ковыряя в замке.

Потолочная лампочка едва позволяла разглядеть обитую дерматином дверь. Шляпки гвоздей хищно поблескивали, из-под двери тянуло сквозняком, донося едва ощутимый запах сухой травы.

Оксана зажгла в коридоре свет, на ходу сбрасывая кроссовки, крикнула куда-то во тьму:

– Олег Ни... Папа, ты дома?

Вытянув шею, но все еще не переступая порог квартиры, Белый видел, как из теней сплелась долговязая фигура.

– Где пропадала так долго? Я начал волноваться.

Пожилой мужчина, выступивший из кухни, казался собранным из одних костей. Торчали острые плечи и ключицы над майкой-алкоголичкой. Запястья рук, запрятанные в карманы домашних штанов, можно было заключить в кольцо большого и указательного пальцев. Тяжелый взгляд глаз-буравчиков был неуютен.

– Познакомься, папа, это Герман Александрович, из полиции, – Оксана обернулась через плечо, улыбка чуть дернула обкусанные губы.

– Приятно познакомиться, – Белый протянул ладонь. – Могу я войти?

– Нет.

Безапелляционный ответ мог бы смутить кого угодно – но не Белого.

– Вот удостоверение, – он раскрыл потрепанную книжечку, высланную Лазаревичем. Подделка, конечно, да кто будет проверять? – Отдел уголовного розыска Санкт-Петербурга. Не в ваших интересах мешать следствию. Так я могу войти?

– Нет, не можете. И какое отношение к нам имеет Петербург? – старик дернул плечами и обратился уже к дочери: – Ксюша, закрой дверь. Сейчас же!

– Прекрати! – Оксана тоже повысила голос. – Никто мне не верит! Никто, даже ты! Прекрати, папа! Пусть он войдет! – и, вновь обернувшись к Белому, поспешно добавила: – Конечно, входите, Герман Александрович! Пожалуйста! Вот сюда.

Она посторонилась, держа нараспашку дверь. Незримый барьер треснул, и Белый шагнул вперед.

– Не знаю, что на всех нашло, – Оксана схватила его за рукав и потянула в комнаты. – С самого утра я будто в дурном сне, все сплю и сплю, и не могу проснуться. Тут кухня, где мы вчера пили чай. А там, в спальне, мои вещи. Там были и вещи Альбины, но они... исчезли вместе...

Голос сорвался на хрип. Привалившись к стене, Оксана запустила пятерню в спутанные волосы. Белый невесомо коснулся ее руки.

– Успокойтесь, слезы – вода, а она, как известно, сгубила немало людей. Вы уже дали ориентировки «Лизе Алерт»?

Женщина кивнула, не в силах отвечать, но ответа Белый и не требовал.

– Я осмотрю тут все, – сказал он, обойдя застывшего истуканом старика и аккуратно вынимая марлевые шарики.

В комнатах царил чистота. Наверное, даже излишняя чистота для жилища закоренелого холостяка. Не было ни запаха белья, ни табака, ни подгоревшей пищи – только уже знакомый запах сухой травы и немного прелой листвы, пропитавший все, от постельного белья до кухонных занавесок.

Аромат Леса.

С особой тщательностью Белый исследовал скудные Оксанины вещи: вторую пару обуви, спортивный костюм, косметичку, пакет с нижним бельем и носками. Они еще хранили обычные человеческие запахи, и это отчасти успокаивало.

– Когда, говорите, вы приехали?

– Вчера, – вместо Оксаны ответил ее отец, горбато вырастая за плечом дочери и кладя костлявую ладонь на ее плечо. – Но я не допущу, чтобы по моему дому сновали какие-то ненормальные типы и рылись в твоей сумке с бельем. Зря ты позволила ему войти.

– Если ты не поверил, это не значит, что и остальные тоже! – в раздражении откликнулась Оксана, отстраняясь.

Белый не слушал: из сумки пахло чем-то железистым.

– А ведь скоро Охотничья луна, – ни с того ни с сего вдруг произнес старик.

И в спину будто вонзились иголки, а следом пришла память – багровый, изрытый оспинами лунный лик, и тянущая боль в мышцах, и тот самый привкус, который, надеялся Белый, он больше не почувствует никогда...

– Что? – переспросил, исподлобья глядя на старика.

Тот стоял, поджав губы, будто делая одолжение, и Белый подумал, что находиться в одном помещении с этим человеком неуютно и... неестественно? Да, костлявый Оксанин отец вызывал безотчетное отторжение, какое, должно быть, и сам Белый вызывал у людей.

Что-то тут было не так.

Что-то, связанное с его сгорбленной позой и – запахом.

Отчаянно, до жути вдруг захотелось войти в Лес.

– Вы скоро закончите? – повторил старик, возвращая к реальности. – Или останетесь допоздна?

– Скоро закончу, – пообещал Белый. Вдохнув запах снова, поднялся на ноги и протянул Оксане вскрытую гигиеническую пачку. – Какой у вас день цикла?

– А? – она моргнула и зарозовела щеками. – Нет, это не у меня. Это Альбина... то есть, у нее началось как раз, когда...

Белый кивнул.

– Я понял. Позвольте взять это с собой, так будет проще... Минуту.

В кармане вибрировал смартфон. «Легавая» – высветилось на экране.

– Где вас, Резников, черти носят? – голос Астаховой звучал отрывисто. – У нас пострадавший.

– Где? – под ложечкой тоскливо заскреблось.

Не прошло и пары дней, и вот снова...

– Сандармох, километров двадцать от Медгоры. Подъезжайте сразу к часовне. Знаете?

– Найду.

Оборвав связь, бегло попрощался, пообещав вернуться как можно скорее, продиктовал свой номер. И, только выйдя на улицу, осознал, что не так с Оксаниным отцом: Олег Николаевич ничем не пах, словно вовсе не имел собственного запаха.

7. Сандармох

Урочище встретило вкрадчивой тишиной. Сосны, облитые солнечной медью, молчаливыми часовыми высились над извилистой тропой: к бывшему расстрельному полигону не подъехать близко, только, оставив машину на пяточке, брести по бездорожью. Почти непролазная в слякоть, в сухую и ясную погоду дорога становилась сказочно красивой – с таких мест только картины писать. «Мишки в сосновом бору». Или она правильно называлась «Утро»? Белый не интересовался искусством, зато быстро учуял смерть: деревянные кресты и памятные надписи не давали забыть о случившейся здесь трагедии.

– Пацан юнармейцем был. За братскими могилами ухаживал, ходил в экспедиции со школьным поисковым отрядом. Ирония, паршивая ты сука, – с кривой улыбкой рассказывала Астахова, глядя не на Белого, а мимо него, в подлесок одинаковых столбцов с треугольными дощечками-крышами, в прозрачный мох над расстрельными ямами, где, кстати, нашли Никиту Савина, тринадцати лет, учащегося средней образовательной школы номер три, отличника и активиста. Вот только тела Белый не увидел.

Он так и спросил об этом Астахову.

– Тело-то? – опять усмехнулась она, ладонью растирая шею и щурясь на солнце. – Вы бы еще дольше ехали, Резников. Тут не только в реанимацию увезут, мертвец пешком уйдет.

Белый нахмурился, ругая себя за недогадливость.

«Пострадавший», – так сказала легавая. Значит, мальчик был еще жив.

– Его опросили? – осведомился Белый, но Астахова, к его разочарованию, мотнула головой:

– Не вышло. Состояние стабильно тяжелое, не факт, что выживет, но слава советской, то есть теперь уже российской медицине, врачи сделают все возможное.

Белый сплюнул, досадуя за опоздание.

Автомобиля ему не полагалось. Таксист заломил людоедскую цену, но, поторговавшись, согласился добросить до урочища за более разумную плату. Аванса и без того едва хватало, чтобы оплатить съемную квартиру, в которой он так до сих пор и не появился – вещей у Белого не было, а потому и не было смысла торопиться.

– Что насчет рябины?

– Рябина была, – не стала опираться Астахова. – И не только. Звонили с отчетом, и представляете? Мальчику сразу же промыли желудок. В нем оказалось полно птичьих перьев.

Белый нахмурился.

Снегири не выходили из головы. Да и Оксана видела их, об этом она обмолвилась еще в отделении. Знать бы, что за перья вытащили из желудка мальчика. И зачем маньяк кормил своих жертв рябиной.

– А ведь рябина оберегает от колдовства и сглаза, – вслух обронил Белый. И, встретив вопросительный взгляд Астаховой, пояснил: – У меня было немного времени почитать, пока добирался сюда. Из веток рябины делался оберег, который вешался над порогом дома или носился с собой. Когда его делали, то обязательно произносили слова: «Ветки рябины, красные нити, от опасных людей и любого вреда защитите». А в старину ведьмы – вроде вас, Вероника Витальевна, – Астахова закатила глаза, – готовили из рябины зелья, пробуждающие способность к ясновидению. Друиды тоже сжигали рябину во время обрядов прорицания.

– Кто-то пытается создать свой собственный отряд несовершеннолетних ясновидящих?

– Это нужно выяснить, но не стоит сбрасывать со счетов даже бредовые догадки. Самое неприятное я приберег напоследок. Готовы? Держите. Из рябины складывали погребальные костры, так как она символизировала смерть и возрождение. А это, – он дернул подбородком, – подходящее место для обрядов погребения. Сколько людей здесь захоронено?

– Более шести тысяч, – тихо ответила Астахова, потирая лоб.

– Здесь повсюду смерть, – кивнул Белый. – И лес тоже пропитан смертью.

Близость следа манила, тянулась меж пальцев алой нитью – было б за что ухватить, а после вязать узлы, пристраивая одно событие к другому. Утонувший мальчик – и девочка в овраге, бесследно исчезнувшее «солнечное дитя» – и выживший мальчик с птичьими перьями в желудке.

Казалось, еще немного – и нить будет в руках.

Пока же Белый осторожно тянул носом прозрачный и неподвижный воздух над могилами.

– Свидетели?

– Вон сидит, – Астахова указала на мужчину, притулившегося возле крылечка часовни. – Турист, мать его за ногу. Писатель хренов. Я бы сказала – подозреваемый. Только видели его другие двое опрошенных, и в телефоне у него скан, в котором часу и на каком такси сюда прибыл, и документы в порядке, полный комплект: паспорт, СНИЛС, медицинский полис, водительские права и даже студенческий билет. Вы видели когда-нибудь, чтобы человек, отправляясь в лес, держал при себе полный пакет документов? Для чего?

– Чтобы опознали, когда найдут в овраге, – пробормотал Белый и направился к свидетелю.

Вблизи ему не дали бы и двадцати трех: совсем молодой, курносый, блеклый, с каким-то невыразительным лицом. Если бы не модная стрижка и хипстерские очки в явно недешевой оправе – пройдешь и не заметишь.

– Герман Александрович. Разрешите задать несколько вопросов? – представился Белый, подавая ладонь и уже внутренне готовясь к тому, что рукопожатие так и останется без ответа, но парень удивил.

– Максим Пантюшин, – просто ответил он и мягко пожал протянутые пальцы. – Но я уже все рассказал полиции. Вот той женщине.

Боднул головой воздух, указывая на Астахову. Та о чем-то переговаривалась с подчиненными и в их сторону не глядела. Значит, у Белого все карты на руках.

– Я из специального отдела, – слукавил, но почти не соврал. – Крайне любопытный случай, все-таки такое место.

Со значением обвел рукой окрестности, и парень оживился.

– Да, место историческое! Я, когда впервые услышал, сразу подумал: вот она, моя курсовая! Столько разрушенных жизней, столько легенд. До дыр зачитал «Книгу памяти», а теперь своими глазами вижу и поверить не могу. А вы знали, что здесь находятся захоронения не только жертв НКВД, но и советских военнопленных, которых расстреляли финны во время оккупации Карелии?

– Значит, вы студент? – Белый попытался вернуться к нити разговора и, сделав вид, что сморкается в одноразовую салфетку, вытащил марлю.

– Историк, – по-идиотски заулыбался парень. – А вы местный? Вы, вроде, похожи на финна. Может, тут есть и ваши родственники? Тут ведь расстреляны не только карелы, а еще трудопоселенцы и заключенные Соловецкой тюрьмы!

– Я из Твери, – соврал Белый. – Расскажите, как вы нашли мальчика?

– Шел и нашел, – бестолковый взгляд студента вымораживал. – Фотографировал памятники, а тут, гляжу, из мха рука торчит. Я ведь сначала не хотел в полицию звонить. Подумал: вдруг расстрелы продолжаются до сих пор, только они теперь засекречены? Ну, вы знаете. Пятая колонна, «навальнята», антипрививочники – все неудобные. А потом других туристов встретил, и они сказали: надо. Мальчик голый совершенно, рот в крови, да и ногами уже заморозки. Но, кажется, еще дышал. И я позвонил.

Он развел руками, будто отчасти стыдясь своего поступка. Проявил слабость, дескать, извиняйте.

– Вы правильно сделали, что позвонили, – Белый тяжело уронил ладонь на плечо студента, и тот удивленно вскинул подбородок. – Спасли ребенка! Вам обязательно вынесут благодарность!

– Правда? – просиял студент.

– Может, и медаль дадут. За отвагу и помощь следствию. Так что же, вы никого больше не видели? И мальчика не трогали?

– Никого не видел и ничего не трогал, – уверенно ответил студент.

– Что ж, вы очень помогли следствию! Разрешите записать ваш номер телефона, чтобы в случае чего могли с вами связаться для вручения благодарности?

Покопавшись в кармане мантии, вытащил смартфон, вслед за ним выпала сигаретная пачка.

– У вас сигареты выпали! – тут же среагировал студент.

– Где?

Крутанувшись, Белый пнул ее мыском ботинка, и пачка отлетела по листве к крыльцу часовни.

– Вот же! – парень поднял ее с земли и подал с укоризненным видом.

– Премного благодарен! Можете положить ее в карман? Да, сюда, пожалуйста, – повернувшись к студенту боком, Белый медленно, держа телефон в обеих руках, набирал номер. – И какая цифра на конце? Шесть? Записал. Ну, спасибо за помощь следствию! Приятно было познакомиться!

Снова пожав студенту руку, бодро зашагал прочь. И только завернув за кустарник, обмотал ладонь носовым платком и бережно вытащил пачку: она оказалась полностью запечатана, а душный запах табака не мог перебить запаха человека.

Утренняя морось не смогла смыть чужие следы: фоновые запахи, выделяемые мелкими насекомыми, деревьями и выхлопами, не смешивались с индивидуальным запахом студента, а потому отследить его не представляло труда.

Белый какое-то время кружил между крестами и вдоль оврагов, вышел к импровизированной парковке с деревянной постройкой-туалетом, вернулся к полуразрушенному памятнику – чернеющая сверху надпись «Люди, не убивайте друг друга» сейчас казалась насмешкой. Вернувшись к захоронениям, направился к католическому кресту. Здесь его и выловила Астахова.

– Долго еще будете по могилам ползать? – зашипела гадюкой. – Я ведь говорила, дело гиблое! Свидетель чист, как слеза Мадонны!

– Лучше сравню с отстойником, – оскалился Белый. – Студент врет. На вашем месте я бы отвез его в участок и еще раз допросил.

– Доказательства?

– Он врет о том, что прибыл на такси. Я шел по следу и выяснил, что он явился не со стороны шоссе, а совершенно с противоположной – оттуда, – Белый указал в чашу, где, запустившись в соснах, качалось поплавок солнце. – Кстати, пожалуйста пальчики. И не благодарите, – он протянул Астаховой обернутую платком сигаретную пачку, подержал на весу, не спеша передавать в подставленную ладонь: – Хотя, конечно благодарите! Студент сидит тут больше часа, а вы не смогли даже подловить его на вранье!

– И как я прищью к делу запах? – Астахова с раздражением вырвала пачку.

– Выпишу заключение, я ведь за этим здесь. Никто не будет проверять, работал я с пробирками или обошелся собственным носом.

– Если эти пальчики окажутся не засвеченными, нам все равно придется его отпустить.

– Тогда просто приглядывайте за ним вполглаза. Как и за остальными свидетелями. После мемориала есть еще какие-то населенные пункты?

– Леса. Озера. Шлюзы Беломорско-Балтийского канала. До них еще километров тринадцать по шоссе, а по лесу совсем не пройти.

Она умолкла, встретившись с внимательным взглядом Белого.

– Не пройти, – повторил он. – Если не знать, где идти.

Зажмурившись, сделал три шага назад.

Ветер швырнул в лицо охапку листьев, голову повело. Где-то зашла в бесконечном отсчете лет невидимая кукушка.

Лес обнимал за плечи, нашептывал одному ему известные тайны, обещал покой. Только здесь Белый чувствовал себя настоящим. Отчасти это пугало.

– Хотите сказать, наш свидетель не только подозреваемый, но и двоедушник?

Астахова материализовалась за спиной, хотя до этого они разговаривали нос к носу. Лес все перепутал, поменял местами, и вот уже вместо солнца – едва видимая, багровая, точно раскрытая рана, полоска у горизонта, и небо ясное-ясное, бездонно-глубокое, усеянное звездными оспинами.

– Думаю, надо проверить, как далеко мы можем продвинуться по следу.

Белый указал вперед, на слабо фосфоресцирующие пятна, то тут, то там белеющие на кустах и мху.

По Лесу можно брести десять минут и сразу выйти к цели. А можно блуждать сутками, и все еще оставаться на месте. В миру говорили – Леший водит. Но Лес – полный живого шороха, чужих внимательных глаз, птичьего клекота и осторожных шагов, – не нуждался в посредниках. Лес всегда и все решал сам.

– Когда я была маленькой, – ни с того ни с сего заговорила Астахова, и Белый понимал, что чувствует она, пробираясь между расстрельных ям и одинаково белых крестов-гольцов, – мне рассказывали, что здесь погиб мой прадед. Его расстреляли в марте тридцать восьмого вместе с другими двоедушниками. В Советской России не было ни бога, ни магии, поэтому магию уничтожали любыми доступными способами.

– Магия была, – откликнулся Белый, суеверно огибая поваленное и сгнившее дерево. Рост позволял пролезть под ним, но Белый знал: пройдешь – и на следующий день свалишься с кишечным гриппом. Гнилое – к гнилому. – У Сергея Леонидовича большая библиотека кабалистической литературы, и я читал о таких вещах, о которых в вашем, Вероника Витальевна, приличном обществе лучше вовсе не говорить.

Она фыркнула, смахивая с плеча полупрозрачного зыбочника-светлячка. У зыбочника тонкий хоботок и острые когти на лапках – продавит куртку, насосется теплой крови двоедушника, отложит личинки в сердцевине гнилого пня.

Лазаревич учил ни в коем случае не пить из гнилых пней: в животе поселятся червяки зыбочников, да и прогрызут себе путь через кишки.

– В любом случае, – продолжила Астахова, – я перелопатила массу архивных документов, но так ничего и не нашла. Возможно, ваш покровитель обладает более полными данными. А нам, в нашем медвежьем углу, остаются крохи информации и залетные маньяки.

Она умолкла, занеся ногу над оставшейся после дождя лужицей, да так и не поставила: из зарослей крушины поднялась лосиная туша.

– Стойте! – инстинкт среагировал быстрее разума, и Белый замер. – И ни в коем случае не двигайтесь.

Массивные рога цепляли сосновые ветки, к шерсти налипла прошлогодняя хвоя. Лось косил коричневым глазом и шумно раздувал слипшиеся от крови ноздри.

– Заблудился, – подала голос Астахова. – Пришел полакомиться подношениями на могилах, и заблудился. Надо сейчас же вызвать МЧС, я...

Она потянула руку к карману, чтобы взять телефон, и все-таки опустила ногу. Брызнули зеленой жижой неосмотрительно раздавленные лесавки.

Лось задрал верхнюю губу, обнажив крупные зубы, и издал низкий утробный звук, от которого сейчас же заложило уши. Почва содрогнулась и вздыбилась. Земляные волдыри лопались с тихим хлопком раздавленного гриба-дождевика: из их нутра вырывались дымные облачка. Мох расползлся, как гнилая материя, и что-то шевелилось глубоко внизу, в болотных недрах.

– Отступаем! – почти не разжимая губ, скомандовал Белый.

Астахова заученно развернулась.

И выпроставшаяся из земной утробы рука схватила ее за сапог.

8. Время чудовищ

Астахова не закричала: сказались закалка и опыт, только издала едва различимый стон.

Мертвец поднимался из земли, точно в slow-mo: сперва показался голый череп, едва прикрытый волосистой паклей, потом плечи и торс. В прорехи плоти проглядывали ребра. Паукообразные пальцы второй руки, изъеденной трупными пятнами, скребли по грязи в тщетной попытке подтянуть тело наверх, отчего слышался слабый костяной хруст: никаких иных звуков мертвец не издавал – легкие давно сгнили.

Подскочив, Белый пнул мертвеца в плечо. Плоть лопнула, брызнула тошнотворной жижей. Вторым пинком Белый сломал мертвецу руку. Астахова отпрянула, вытаскивая табельный «Макарыч».

– По кому собралась стрелять, дура?! – прорычал Белый. – Мертвяку это что слону дробина! Отступай!

И сам рванул, уже не разбирая дороги, сквозь крушину и бересклет. За спиной лопались земляные пузыри, выхаркивали наружу монстров – одинаково мертвых, едва прикрытых плотью и лохмотьями одежды, трудпоселенцев и заключенных, карелов и финнов, всех, кто лежал под гнетом земли многие, многие десятилетия.

– Кто...?

Астахова неслась рядом с легкостью гончей. Остроносое лицо вытянулось еще сильнее, в глазах плескался отголосок страха.

– Жертвы репрессий. Не все ли равно? – выцедил Белый, походя снося мертвецу голову: та откатилась иссохшей тыквой, канула в моховую подстилку. – Правильный вопрос... не кто. Правильный... почему?

Обогнув земляной пузырь, обдавший прахом левую брючину, Белый дернул Астахову на себя и оба кубарем покатались по траве, обдирая колени и локти.

– Так почему... они встают?

– Если бы я знал.

Обернувшись, Белый похолодел: кресты шатались, один за другим проваливаясь под землю. Молодые сосны с глухим стоном оседали вниз, а на смену им вырастал новый лес – лес человеческих костей. Он постоянно изменялся, хрустел, дрожал, рождая то чью-то изломанную ключицу, то ребро, то бедренную кость. Черепа скалились пеньками зубов. В провалах глазниц мерцали болотные огни.

– Сколько же их... – прошептала Астахова и умолкла: она и так знала ответ.

Более шести тысяч.

Земля щетинилась иглами пальцев. Костяные капканы раскрывали ненасытные рты, будто тысячи венериных мухоловок, а под ногами беспрестанно хрустело и хлопало – Белый бежал по трупам.

Голова теперь кружилась от испарений. Миазмы обволакивали беглецов невидимым, но плотным коконом. Астахова старалась дышать ртом, едва успевая отбиваться от мертвецов. Их черные рты наполнились немим криком, беззвучным укором в адрес живых – тех, кто посмел нарушить их зыбкий покой, кому отмеряны десятилетия жизни, когда их собственный век оборвался так бесславно, так мучительно и быстро. Поэтому их невысказанная, непомерная зависть почти физически давила на плечи.

С каждым шагом Белый все глубже увязал в земле. Под тонкой коростой мха таилось болото, в которое он погружался уже по щиколотку.

– Почему... мы?

Астахова тоже задыхалась, тоже увязала в трясине. Подхваченной на бегу палкой пере-
ломила ключицу вставшего на пути покойника, и тот с мокрым хрустом сложился пополам,
выдохнув вместе с болотной вонью серое облачко грибных спор.

– Возможно... они думают... мы виноваты в их смерти, – ответил Белый, пинком выби-
вая коленную чашечку мертвеца слева. Ударом кулака проломил грудную клетку второго, воз-
никшего справа, и пальцы с булькающим звуком погрузились в утробу. Белый отскочил, стря-
хивая опарышей и склизкие комки легких.

– Выбирайся... из Леса! – крикнул Астаховой.

– Я пытаюсь!

Та с вытаращенными глазами крутилась на месте, орудуя палкой, как булавой. Мертвая
плоть оседала в болото, но только для того, чтобы вырастить новых мертвецов. Одинаковые
землистые лица слились в однородную массу, Лес густел, пряча за соснами линию горизонта,
и небо над головами окончательно налилось сливовой тьмой: выступившие звезды, в которых
Белый не узнавал ни одного знакомого созвездия, мироточили болезненным, неестественно
ярким светом. Лес не отпускал. Возможно, сегодня к шести тысячам погибших прибавится
еще двое.

Астахова вскрикнула, упав на колени. Вернее, сначала Белому показалось, что она упала:
приглядевшись, понял – земля поглотила ее по самые бедра. Шевелящаяся масса за ее спиной
двигалась и шелестела, словно миллионы жуков расправляли хитиновые крылья.

– Меняйся! – перекрывая нарастающий гул, прокричала лежавшая.

– Что...

Голос надломился, язык присох к небу. Отшвырнув легкое, почти полностью истлев-
шее тело, Белый рванулся к Астаховой. Правая нога тут же погрузилась в землю до середины
голени, в ботинок потекла вода.

– Ты ведь... перевертень, твою мать! – в голосе женщины звенели истерические нотки. –
Так превратись!

– Это не так просто! – ответно проорал он. – Я не могу... просто по щелчку пальцев...

Гневно зарычав, вцепился в ворочающийся рядом скелет, подтянулся и выпростал ногу.
Конечно, потеряв ботинок.

– Тогда нахрен ты вообще такой нужен?!

Земля, охнув, просела еще. Астахова ухнула по пояс, и завизжала, отдирая цепкие костя-
ные пальцы от собственных волос.

Белый в отчаянии вскинул голову.

Небесный шатер, густо усыпанный звездами, не собирался зажигать прожектор луны. Лес
полнился контрастными тенями и неясными силуэтами. В подлеске сновало мелкое ночное
зверье. Сгодился бы любой, даже крыса. Главное – кровь.

Белый снова попытался рвануться вперед, но увяз другой ногой – по колено.

Мертвяки копошились рядом, уже не делая попытки приблизиться, но отчего-то в их
промедлении таилась ощутимая угроза. Краем глаза Белый видел мелькающие кости, соединя-
ющиеся в причудливые сочленения: ребро прирастало к голени, бедро к позвоночнику, пред-
плечье срасталось с ключицей. Над головой, мелькая в карусельной чехарде, крутились и шел-
кали зубы, и было их куда больше, чем положено человеку, и были они куда длиннее, чем у
любого из перевертней.

Завопила Астахова, уже не скрывая ужаса. И, обернувшись, Белый почувствовал на себе
смердное дыхание зверя – гигантского зверя, слепленного из человеческих костей.

Многоногий монстр ростом вполовину сосны разинул пасть и издал низкий, не различи-
мый ухом, но хорошо ощутимый всем телом рев, от которого по болоту прокатилась зыбь, а
внутренности сжались в ледяной ком.

Сейчас же ему вторил другой крик – визг перепуганной девушки. Только это была не Астахова.

Сделав глубокий, судорожный вздох, будто только что поднялась с болотного дна, она закричала, и кричала, не переставая, на одной высокой ноте.

С выставленной в защитном жесте ладони капала кровь.

Взвыв, Белый рванулся из трясины, вложив в рывок всю ярость и звериную силу. Вязкая жижа хлопнула, нехотя отпуская на волю, и Белый влетел в окровавленную руку, впившись в нее губами и ощущая вкус железа и тины, пота и травы.

Вкус жаркой волной опалил горло, запах туманом окутал голову. Трава пустила в нем корни, защекотала кожу миллионом взошедших побегов, болотная тина оплела мышцы, и Белый только успел скинуть мантию и отшвырнуть ее далеко от себя, когда суставы вывернула слепящая боль.

Порой не нужно ни полной луны, ни глупых заклинаний, ведь даже одна капля крови делала его живым, ведь, если приходит время чудовищ – нужно становиться чудовищем.

Болото отпрыгнуло его, как несъедобный кусок. Сгруппировавшись, Белый опустился на все четыре конечности, уже зная, что боль не продлится долго. Оскалившись, он завыл так высоко и страшно, что звезды, дрожащие на неизмеримой вышине, вторили перезвоном серебряных колокольцев.

Костяной монстр выпростал одну из многочисленных рук, но Белый оказался быстрее.

Оттолкнувшись сильными, покрытыми густой белой шерстью лапами, полоснул лезвиями когтей. Пусть мертвая плоть не чувствительна к боли, но силы перевертня хватило, чтобы выбить несколько сочленений.

Над ухом защелкали гигантские зубы.

Нырнув под брюхо, Белый одним куском перемолол в труху ребро, вторым располовинил бедренную кость. Монстр неуклюже кружился на месте, пытаясь достать противника. Похрустывали суставы, с влажными шлепками падали ошметки кожи и внутренностей. Белый видел – гораздо лучше, чем человеческим зрением, – как переползают с места на место кости, пытаясь залатать раны.

Шкуру обожгло болью.

Перекатившись через голову, Белый заметил выступившую кровь. Встряхнулся, прыгнул снова.

Клыки крошили старые кости, будто хворост.

Костяной хвост чудовища, спаянный из позвонков, хлестал по бокам, но Белый продолжал кромсать и рвать, давился трухой и гнилью. Человеческие черепа лопались на зубах, как ореховые скорлупки.

Зубы чудовища клацнули в близости от его шеи.

Отпрянув, Белый припал к земле.

Он уже не думал ни о чем и ничего не помнил: ни как очутился на болотах, ни кто кричит ему, тщетно пробиваясь сквозь обложивший уши звон, ни отчего звезды закручиваются тошнотворной спиралью. Он чуял раздражающе сочный запах живого человека – легкой добычи для зверя. А за добычу нужно было побороться.

Зарывав, Белый прыгнул чудовищу на хребет.

Массивная голова из черепов и тазовых костей сидела на слишком тонкой для такого гиганта шее. Нужно только нацелиться на позвонки, один укус – и Белый победит.

Он вгрызся в кость.

И в то же время когти чудовища вонзились в его шкуру.

Белый не удержался. Глухо взвизгнув, рухнул с высоты, ломая и окончательно дробя хрупкие кости чудовища. Удар не был сильным, но почему-то небо перевернулось на бок, и

из него потекла вязкая тьма – она поглотила дергающиеся в агонии лапы монстра, и болотные кочки, и частокол сосен.

В густеющих сумерках Белый различил склонившееся над ним лицо человека, показавшееся отчего-то смутно знакомым, а рядом – еще одно, молодое, искаженное страхом.

Потом не стало ничего. И звезды закатились.

9. Простые решения

Волонтеры прочесывали парк небольшими группками, передавали распечатанные со слов Оксаны ориентировки. Она не винила тех, кто отказался тратить единственный выходной на поиски девочки, которая, возможно, и не жила никогда. Тоска заключила Оксану в непроницаемый пузырь, за которым не существовало большого мира – тот мир был враждебным, чуждым, в нем люди глядели недоверчиво, а то и с жалостью, будто на душевнобольную. В нем жил отец, так и не ставший родным. Он неумело обнимал за плечи и говорил ничего не значащие слова утешения – что толку с этих слов? Очередная попытка убедить, что Альбина – плод расстроенного воображения, закончилась истерикой и вызовом скорой помощи. Оксане померили давление, поставили укол и уехали, оставив ее наедине с одиночеством и горем.

– Как же не было, когда вот – ее рисунок? – говорила она себе, разглаживая альбомный листок. Снегирь издевательски подмигивал и молчал. Тогда Оксане казалось, что она действительно сходит с ума.

Лекарства, названия которых она не запомнила, помогли погрузиться в недолгий, полный беспокойных образов сон.

Снились бескрайние леса. Ветки, усыпанные снежирями, как яблоками. Кровавые озера, поросшие бледными пальцами мертвецов. Снилось чернильное небо, в котором мерцали чужие звезды в незнакомых созвездиях: засмотришься – лишишься рассудка. По лесу брела бесконечная вереница людей в низко надвинутых капюшонах, и в руках у каждого мерцал крохотный огонек. Люди двигались к каменному кругу на вершине холма, выжженного молнией, и один за другим исчезали, едва вступив в центр этого круга. Последний из них обернулся, из-под капюшона тускло блеснули белые-белые, фосфоресцирующие глубоководным светом глаза, и Оксана, проснувшись, долго плакала в подушку от неясного страха.

Отец больше не приставал с утешениями. Безмолвный, точно призрак, бродил по дому, подолгу стоял у окна, сгорбившись, почти касаясь стекла длинным носом. Находиться в одном помещении с ним было невыносимо, и Оксана впервые пожалела о своем решении приехать в эту забытую богом глушь, в этот городок, пойманный лесами в капкан.

Она и сама оказалась в капкане: уехать одной значило поверить в то, что Альбины никогда не было. А если была – как бросить потерявшуюся дочь? Она ведь такая маленькая и глупая, она не выживет одна холодными осенними ночами, когда траву прихватывает иней и время от времени заряжают дожди. Она не выживет и днем – доверится незнакомцу, побежит за собачьей сворой, попадет под машину, утонет...

Воображение рисовало картины одну страшнее другой.

Нет, нет. Вина за все случившееся лежала на ней, Оксане. Может, права была мать, называя ее никчемной пустышкой. Может, правы все...

На завтрак она без аппетита проглотила яичницу, запила безвкусным кофе. Ей дважды звонили координаторы «Лизы Алерт», но новостей не было, не было и свидетелей. Оксана решила послать запрос в родильный дом, но сеть брала из рук вон плохо, страницы висли и не хотели прогружаться.

– Знаешь, это ведь не первый раз, когда ты удивляешь меня своей фантазией, – подал голос отец.

Оксана было взвилась, но задумчивый взгляд темных глаз заставил ее остаться на месте и промолчать.

– В детстве ты часто болела, – продолжил отец. – Задыхалась во сне. Мы обегали всех докторов в округе, грешили на астму, аллергию и бог знает что еще. Потом ты стала садиться на кровати и внимательно смотреть в угол комнаты, и, хотя не говорила толком, повторяла

несколько раз «Дядя! Дядя!». Потом начала его рисовать. Просто фигуру, без лица и рук – в альбомах, на обоях, на асфальте мелками. Просто темную фигуру с белыми глазами.

Оксана вздрогнула, уж слишком точно этот образ повторял ее ночной кошмар. Она стала слушать внимательно.

– Тогда мы и начали ссориться с Машей. Я настаивал, что это просто детские фантазии, она же стала возить тебя по шарлатанам. Считала, к тебе привязался злой дух или демон. А уж если Маше что-то взбрело в голову... – он махнул рукой и усмехнулся, – сама знаешь. Так продолжалось, пока ты не пропала.

– Как пропала? – встрепенулась Оксана.

– По-дурацки получилось. Вот только что ссадил тебя с коляски, отвернулся, чтобы забрать игрушку, а когда повернулся, тебя уже не было рядом. Я звал и звал, обыскал весь двор, оббежал вокруг дома – да разве мог трехлетний ребенок за столь короткое время так далеко уйти? Тебя не было пятнадцать минут, за это время мы разругались с Машей в пух и прах. Думаю, тогда она и стала такой... – он запнулся, – такой нервной. Она просто боялась тебя потерять.

– Да, – шепотом произнесла Оксана. – Мама всегда ругалась, когда я задерживалась в школе или уходила к подруге с ночевкой.

И замолчала, с тоской глядя в окно.

– Ты нашлась так же внезапно, как и пропала. Мы с Машей высказали друг другу все, собрались уже звонить в милицию, а ты сидела в трех метрах от нас, в песочнице, и увлеченно лепила куличики.

– Может, не заметили? – предположила Оксана.

Отец поджал губы.

– Может. Хотя обыскали каждый квадратный сантиметр двора. Маша тогда очень кричала, а ты не понимала, почему, и заплакала. А потом как-то все прекратилось. Я имею в виду, все эти ночные приступы и странные фантазии. О дяде ты больше не вспоминала, здоровье наладилось. Доктора сказали: переросла. А мы не знали, что и думать, и поэтому тоже предпочли об этом не вспоминать.

– А потом ты ушел.

– Ты ведь понимаешь, насколько Маша тяжелый человек. А после этого случая...

– Ты бросил меня, свою дочь! – перебила Оксана. – Ушел от больного ребенка со странными фантазиями и ее истеричной мамы, так?

– Медвежонок, ты не совсем правильно поняла...

– Я поняла, – она поднялась, с грохотом отодвинув стул. – Когда мама доверила меня тебе, она не предполагала, что так легко можно потерять трехлетнего ребенка! Она переволновалась, едва не сошла с ума! Потому что ее – ваша! – дочь могла погибнуть! А что сделал ты? Свалил при первом удобном случае!

Она задохнулась, сжала ладонями виски. В них тяжело колотился пульс.

– Мужикам не нужны ни больные жены, ни проблемные дети, – вытолкнула с горечью давно покаявающие язык слова, в которых была и злость на Артура, и обида на родителей, и страх за Альбину. – Так просто отстраниться, забыть, забиться в медвежий угол, лишь бы ничего не связывало с прошлым! Не приезжать даже на праздники, откупиться мизерными алиментами! А теперь ворвался в мою... в нашу! жизнь! Убедился, что я такая же ненормальная, как и раньше? Такая же больная, как мать?

Схватив куртку, рывком застегнула молнию.

– Малышка, я вовсе не хотел...

– Ты хотел, папа, – устало сказала Оксана. – Конечно, вы все хотели обеспечить себя комфортом и вычеркнуть из жизни все лишнее, все мешающее, даже собственных детей. Пусть

я ненормальная. Но я верю, что Альбина существует, что она жива, и сделаю все, чтобы найти ее. Прости меня, папа.

Она взяла ключи и вышла из дома, не озаботившись запереть дверь.

Какое-то время боялась, что отец пойдет следом, чтобы остановить, вернуть, и нарочно ускорила шаг, вслушиваясь в звуки из коридора. Но дом беспрепятственно выпустил ее, деревянные полы не закричали под тяжестью чужих шагов, никто не окликнул, не попросил вернуться.

Вздыхнув, она опустила подбородок в шарф и уже медленнее побрела по улице, стараясь не думать ни об отце, ни об Артуре, а только об Альбине. Да, вот что было важно! Только маленькая девочка, блуждающая по чужому городу. Только она.

Случается, простые решения требуют большого мужества.

Артур настаивал на аборте, Оксана отказалась. Родив, ревела бесконечно долгими ночами. Она могла бы оставить Альбину в Доме малютки, но крохотные глазки смотрели из кулька так доверчиво, что Оксана не смогла отказаться от дочери. На счастье, Альбина оказалась спокойным ребенком и не доставляла лишних хлопот сверх тех, что следовали из диагноза.

Очнулась от воспоминаний, когда воздух стал сырым и холодным, кроссовки зашуршали по мелкой гальке, и Оксана вышла к Онежскому озеру.

Его точнее было бы назвать морем, настолько величавой и бескрайней казалась водная гладь, подсвеченная солнцем. Вдалеке с пронзительными криками кружили черноголовые чайки. Мягко колыхалась от ветра высохшая осока. Справа виднелись изломанные шеи портовых кранов, слева тянулся изрезанный каменистый берег Большой Онежской губы.

Оксана опустилась на корточки недалеко от воды, положив голову на переплетенные руки. Слез не осталось – их высушил ветер, а на новые не хватало сил. Вот бы оказалось, что прошлый день – просто очередной кошмар, и по возвращению домой ее бы поджидала Альбина. Они обязательно посетят парк, купят самое вкусное мороженое, а еще Оксана извинится перед отцом – колкая вина зудела под ребрами, не давая успокоиться, довериться безмятежной тишине.

Где-то плеснула рыба, по воде поплыли круги. Оксана подобрала плоский камешек и пустила его блинчиком, как в детстве – камень упал рядом с берегом, не подпрыгнув ни разу. Вздыхнув, попробовала снова, и снова ничего не вышло. Зато рыбина плюхнулась совсем близко, а вслед за плеском раздалось негромкое всхлипывание.

Оксана подскочила, озираясь, позвала:

– Альбина!

Застыла, ожидая ответ. Слева уже в голос заплакали, и Оксана прыжками помчалась по берегу, не переставая звать дочь. Плач совершенно точно принадлежал обиженному ребенку и звучал совсем рядом, за зарослями осоки.

Чертыхаясь про себя и уже не боясь замочить ноги, Оксана раздвигала сухие и ломкие стебли, сердце заходило в галопе. Вот мелькнуло голое плечо, облепленное мокрыми светлыми волосами. Маленькая рука смахнула их за спину и бессильно упала вниз с негромким всплеском.

– Альбина! Куда же ты забралась?! Я так долго...

Оксана умолкла, остановившись. Всколыхнувшаяся было радость умерла вместе со словами.

В осоке плакала совсем не Альбина, хотя по возрасту была не сильно старше нее. Подняв мокрое не то от слез, не то от воды личико с огромными зелеными глазами, девочка простионала:

– Помоги...

И мешком осела в воду, издав тот самый рыбий всплеск.

Оксана рванула вперед.

Альбина или нет, этой девочке тоже нужна помощь. Она тоже оказалась здесь одна, и была совершенно обнаженной: длинные волосы едва прикрывали маленькие груди и плоский живот, колени сбиты до черноты, а ноги до середины икр застряли в озерном иле, где пахло стоялой водой и тухлой рыбой.

– Помоги, – повторила девочка, умоляюще протягивая руки с тонкой, почти полупрозрачной кожей. – Я не могу выбраться сама.

И зарыдала крупными слезами.

– Сейчас, – Оксана погрузила руки в воду, и они сразу окоченели. – Что там? Камни?

– Не знаю, – жалобно ответила девочка. – Оно режет и жжет. Мне больно и страшно!

– Как тебя зовут?

– Добрава.

– Красиво, – улыбнулась Оксана, шаря в мутной воде.

Девочка всхлипнула.

– Ты ведь сможешь, правда? Солнце дважды всходило и закатывалось, а мне все еще больно и страшно... Вытащи меня скорее!

– погоди, я ничего не вижу...

Оксана вскрикнула, когда ладонь пронзила острая боль. Отдернув руку, с удивлением смотрела, как расходится кожа, как из раны начинает бежать кровь. Показалось – Добрава приоткрыла губы и лихорадочно лизнула их розовым язычком.

– Умоляю, скорее! – задыхаясь, заговорила она, словно испугалась, что долгожданная помощь сейчас уйдет. – Я почти расшатала эту штуку! Она легко выйдет из камней и ила! Помоги!

Стиснув зубы, Оксана склонилась к воде. Теперь уже осторожно, по сантиметру, ощупывала дно. Пальцы наткнулись на округлый железный бок, пробежали выше, к острым зубцам на крышке.

– Это банка, – сказала с облегчением. – Просто большая консервная банка. Как ты умудрилась в ней застрять?

– Я почти расшатала ее! – возбужденно повторила Добрава. – Давай вместе! На счет три!

– Раз!

Оксана подрыла банку снизу, толкнула в бок.

– Два!

Покачнула снова, понемногу вытягивая со дна.

– Три!

Банка вывернула ржавое брюхо и, выдув водяной пузырь, ушла на дно. Добрава с радостным визгом повисла на Оксаниной шее, пачкая ее слезами и грязью.

– Ну, успокойся, успокойся, – Оксана погладила ее по спутанным волосам. – Тебе холодно? Вот, держи мою куртку. И надо осмотреть ногу, банка совсем ржавая, может начаться заражение. Вдруг тебя...

Она замерла, держа куртку в одной руке, второй в панике ощупывая спину Добравы. Четко проступали позвонки и лопатки. Пальцы, не встречая сопротивления, погрузились глубоко меж костей. Девочка улыбнулась, обнажив заостренные зубы.

– Прости, что не сказала раньше.

И перехватила руку.

Оксана издала истошный визг попавшей в капкан добычи, дернулась – поздно. Припав влажными губами к ране, Добрава сосала кровь, выгнув спину дугой так, что стали видны голые кости. Почему-то было совсем не больно, рука онемела, словно от укола новокаина, по телу разливалась приятная слабость. Протяжно выдохнув, Оксана медленно осела в осоку, и вместе с ней опустилась на колени Добрава и отняла, наконец, перепачканное кровью лицо.

– Холодное железо отнимает силы, – по-кошачьи промурлыкала она. – Горячая кровь возвращает. Я могла бы испить тебя досуха, но не стану. Ты помогла. А навки умеют благодарить.

Оксана хотела ответить, но опухший язык едва ворочался во рту. Омутные глаза девочки завораживали, слова текли журчанием ручейка:

– Я видела ее. Когда солнце заходило во второй раз, она шла берегом Онеги. У нее были светлые волосы и красная одежда. Красная, как кровь, как рябина, как грудь снегиря. Снегири летели впереди, прокладывая дорогу, поэтому ее никто не видел. Видела только я, я одна. Видела, как она пересекла черту и вошла в Лес. И ты, если хочешь найти ее, тоже туда войдешь. А когда войдешь – не оборачивайся.

Она толкнула Оксану в грудь. Воздух разом вышибло из легких, голову повело.

Падая, Оксана видела, как расступается осока, как озеро прорастает крестами, как наступают сосны. Небо стремительно чернело, выкатывая крупные, злые звезды в незнакомых созвездиях. Когда на расстоянии вытянутой руки рядом с ней оказался смутно знакомый человек с белыми волосами, она все-таки обернулась и увидела того, кто стоит за спиной. И только тогда нашла силы закричать.

10. О людях и нелюдях

Икона оказалась темной, почти черной. Алыми пятнами проступали складки плаща, косою трещиной – копьё. Очертания лика едва обозначились на деревянной доске, но сомнений не оставались: у святого была голова собаки.

– Великомученик Христофор, – женщина вошла в кабинет бесшумно, и Оксана вздрогнула, отводя глаза от вытянутого звериного рыла. – Почитался повсеместно, пока не произошел раскол. Вот, держите кофе. Вам сахар класть?

– Спасибо, – Оксана приняла бумажный стакан, но отпить не решалась, к горлу все еще подступала желчь. – Почему у него такая голова?

– По легенде, святой Христофор происходил из племени киноцефалов, – ответила женщина. – На Руси их звали псоглавцами, а упоминания об этом племени можно найти, к примеру, у Геродота. Современные историки считают, что так изображали берберов, населявших Западный Египет. Якобы они во время боя надевали на себя шкуры и головы животных.

Стаканчик в руке качнулся, и Оксана поспешно опустила его на стол.

Жуткие воспоминания сменялись, словно в калейдоскопе: боль в ладони, влажные губы русалки, вздыбленный костяной гребень чудовища и оскаленная пасть белого волка, который возник ниоткуда, ровно на том месте, где только что стоял...

Она оттолкнула икону. Сдерживая позывы, булькнула:

– Где тут...?

Женщина любезно распахнула дверь:

– Прямо по коридору и налево.

Добежав, толкнула дверь туалета, и там Оксану вырвало желчью.

Умывалась долго, тщательно, боясь посмотреть на себя в зеркало и увидеть жуткие, в цвет болотной ряски, русалочки глаза. Вода из-под крана почему-то пахла тиной.

Возвращалась медленно, оттирая со свитера влажные пятна.

– Простите, Вероника...

– Витальевна, – подсказала полицейская.

Икону она уже убрала, и почему-то это принесло облегчение.

– И все-таки я не понимаю, – жалобно прошептала Оксана, вновь опускаясь на стул. – Я будто сплю и никак не могу проснуться.

– Так бывает с теми, кто впервые вошел в Лес. У вас еще сильная кровопотеря. Не столь серьезная, чтобы понадобилось медицинское вмешательство, но достаточная для того, чтобы почувствовать головокружение. Симптомы похожи на легкое сотрясение, не так ли?

– У меня никогда не было...

– Зато теперь есть с чем сравнивать, – натянуто улыбнулась Вероника Витальевна. – Конечно, вы напрасно насытили нежить, но спишем это на ваше незнание. С другой стороны, если б не вы, нежитью могли стать мы сами.

– Разве они существуют?

– К сожалению, – Вероника Витальевна принялась загибать пальцы. – Мертвецы, навки, зыбочники, игоши, кикиморы, упыри. Лес кишит тварями. Вы еще легко отделались. Но вы пейте, кофе стынет.

Оксана сделала малюсенький вежливый глоток. Кофе горчил, но в желудке сразу потеплело, а изжога улеглась.

– Она сказала, что видела Альбину.

– Я бы не стала слепо доверять навке.

– И ваш коллега, – Оксана запнулась, выудив из памяти волчий оскал. – Герман Александрович... он тоже уверен...

- Перевертням я бы не доверяла тем более, – перебила полицейская.
- А вам? – прямо спросила Оксана. – Вам можно доверять?
- Мне – да.
- Почему?
- Я не перевертень. И, уж конечно, не нежить.
- Кто же?
- Двоедушник.

Оксана оперлась здоровой ладонью о стол, пытливно заглянула в строгое лицо Вероники Витальевны. Та не повела и бровью, выдержала взгляд, затем сплела пальцы в замок и задумчиво произнесла:

– Вы, Оксана Олеговна, скорее всего, тоже. Мне раньше не приходилось брать на себя роль информатора, поэтому попрошу вас выслушать, не перебивая, и постараться если не поверить на слово, то сопоставить мои разъяснения с уже виденным. Святой Христофор псоглавец – наш далекий предок. Говоря «наш», я подразумеваю – меня и моей семьи, которая тоже принадлежала когда-то к племени киноцефалов. Были у них песьи головы на самом деле или это только метафора – сейчас не узнаем. Кто-то считает, что святой Христофор стал родоначальником всех двоедушников. Другие доказывают, что мы существовали задолго до христианства, но факт есть факт: у двоедушников, как вы понимаете из названия, две души, две сути. Одна – человечья, другая – животная.

Оксана вздрогнула. Кофе больше не приносил облегчения, нервировали запертая дверь и болезненный свет потолочной лампы, придавший лицу полицейской скульптурную четкость.

– У нас не вырастают звериные морды или что-то подобное, – поспешила продолжить Вероника Витальевна. – Мы не обращаемся ночью в волков, как делают перевертни, просто обладаем некоторыми талантами, – она покрутила в воздухе ладонью. – Вы знаете: собачий нюх, орлиное зрение, кошачья выносливость – все такое. Образ животного как метафора индивидуальности или архетипический дух-проводник – мы лояльны к самому широкому толкованию, от психологии до мистицизма, выбирайте сами. Я работаю в полиции, потому что у меня острый нюх. Не такой острый, как у перевертня, но достаточный для хорошей раскрываемости вверенных мне дел.

– Вы говорите про... Белого? – Оксана с усилием произнесла его прозвище, заодно вспомнив, с каким вниманием он обследовал – обнюхивал, – отцовскую квартиру.

– Вы сами знаете, о ком я говорю, – с некоторым раздражением отозвалась полицейская. Работали они вместе или нет, Оксана удостоверилась, что между ними пробежала метафорическая кошка. – И вы видели его в звериной форме. Кровь человека – мощный магический компонент. С ее помощью можно проклясть, а можно исцелить. И ею можно насытить и нежить, и перевертня.

- оборотня?
- Волка-оборотня, если вам близка именно эта терминология.
- А есть и... другие? – Оксанино сердце екнуло. Отчего-то вспомнился раненый лось на дороге и снегири, густо усыпавшие рябину.

– Всекие есть, но в основном мы проживаем точно такую же скучную жизнь, как и люди, а кто-то даже не знает, что обладает второй душой. Вы ведь не знали тоже? – не дождавшись ответа, пожала плечами. – Вот и я о том же. Вы могли бы заметить, что вам больше, чем прочим, везет в азартных играх, или что вы отлично ладите с соседскими собаками и кошками. Видите вещи сны или слышите такие звуки, которых не слышит больше никто. Магия проникает в человеческий мир крохотными ручейками, по капле – это все равно, что цедить воду через пипетку. Другое дело – перевертни.

Полицейская нахмурилась, покрутила карандаш. Она явно ощущала дискомфорт, хотя и не показывала вида, и Оксане тоже было не по себе.

Сказанное не укладывалось в привычную картину. Оно могло быть больной фантазией спятившей женщины, слишком долго видевшей смерти.

Но Оксана тоже не была нормальной: Альбина вышла из реальности, будто кто-то стер ее с бумаги ластиком. А еще была русалка с голыми позвонками на месте спины, и костяное чудовище, и ходячие мертвецы. Оксана видела это своими глазами, чувствовала вонь гниения, ощущала жадную твердость русалочьих губ и широкий, шершавый язык оборотня за миг до того, как человек обернулся волком.

Привычный мир, давший трещину с момента исчезновения Альбины, упрямо распался по клочкам, а в прорехи проглядывала новая – настоящая и жуткая, – реальность.

– Перевертни опасны, – сказала Вероника Витальевна. – Особенно опасны те, кто познал вкус человеческой крови, а наш общий знакомый не новичок в этом. Вы знали, что восемь лет назад он убил человека? Выпотрошил, как свинью, а потом съел язык, сердце и печень.

– Кто...

Оксана похолодела. В памяти всплыл внимательный, нечеловеческий взгляд альбиноса, его настойчивый голос и слова отца: «Зря ты позволила ему войти...»

– Он отбывал срок в колонии для особо опасных и вышел досрочно по амнистии, – продолжила говорить Вероника Витальевна. – Сейчас у него есть разрешение на ведение профессиональной деятельности и штрих-код на шее, но это не отменяет факта, что Белый убийца. Если он выживет – лучше не оставайтесь с ним один на один. Особенно в полнолуние. Видите ли, оборотничество бывает врожденное и приобретенное. Стать оборотнем можно, если попить из волчьего следа или гнилого пня, или перекувыркнуться через ножи, воткнутые острием вверх. Есть мнение, что давно живущие на свете двоедушники тоже могут оборачиваться в животных. Лично я считаю это ерундой и не встречала ни разу. А вот врожденное оборотничество... Врожденное проще и сложнее одновременно. Проще – потому что не нужно прибегать к магическим ритуалам, чтобы обернуться в зверя. Сложнее – потому что превращение не контролируется ничем, разве что привязано к лунному циклу. Если до полнолуния далеко, а обратиться хочется, достаточно выпить несколько капель человеческой крови. Я ведь говорила: нам повезло, что вы, Оксана Олеговна, оказались рядом. И не повезло, что рядом оказался именно Белый.

Голос полицейской потеплел, взгляд стал сочувствующим, мягким. Оксана попробовала ответно улыбнуться, но сил хватило только на слабый вздох.

Когда костяное чудовище рассыпалось в прах, а болотные огни погасли разом, будто кто-то обесточил лес, Белый остался лежать на покрове из прелых листьев, обнаженный и раненый. Вероника Витальевна долго кричала в телефон, потом все выла и выла сирена скорой помощи, а санитары в безразмерных комбинезонах тащили Белого на носилках мимо крестов, памятников, деревянной церкви – тогда Оксана успела заметить растяжки на коже в области груди и живота, кровоточащие суставы и почерневшие ногти. Марлевая повязка, наложенная поверх раны, насквозь пропиталась кровью, и Оксанину ладонь тоже туго стянули бинтом – ехать в больницу она отказалась, поэтому ее довезли до участка и угостили кофе. А потом Вероника Витальевна бережно развернула почерневшую от времени старообрядческую икону. И мир изменился снова.

Здесь, в залитом искусственным светом кабинете, не было места чудесам. Но все-таки ножки стола опутывали побеги вьюна, и пластиковый подоконник рыжел коростой лишайника, и в платяном шкафу, куда Вероника Витальевна повесила куртку, что-то шуршало и булькало, а из стен то здесь, то там проглядывали побеги.

Лес.

Изнанка реальности.

Полицейская поймала Оксанин взгляд и, словно прочитав ее мысли, заметила:

– То, что вы видите сейчас, не сон и не фантазия. И это вовсе не изнанка привычного мира. Это вы, Оксана Олеговна, до нынешнего момента жили на изнанке. Все, что создано руками людей, все города и железные дороги, автомагистрали и здания из кирпича, стекла и бетона – вот фальшивая реальность. Люди однажды возомнили себя царями природы, забыв, что Лес существовал задолго до их появления, задолго до тех времен, когда первые трилобиты выбрались на сушу. Только вообразите те непроходимые карбоновые леса, огромные вайи папоротников, хвощи и плауны, испарения разлагающейся органики, повышенное содержание в атмосфере кислорода – то был поистине расцвет цивилизации флоры. Менялась органическая жизнь, и менялся Лес. Люди лишь на время отодвинули его на окраину своей искусственной жизни. Но вы ведь знаете, что случается с вымирающими деревьями? С заброшенными индустриальными объектами? С пустыми шахтерскими поселками и городами? Асфальт взламывает молодая поросль, сквозь бетонные перекрытия пробивается трава, и там, где еще недавно распахивали поля, растут молодые сосны. Когда человек отступает – Лес поглощает его следы без остатка. Это и есть реальность, Оксана Олеговна. Теперь вы стали понимать.

Она замолчала, откинувшись на спинку стула и прикрыв глаза. Переплетенные пальцы подрагивали, и только теперь Оксана заметила царапины на костяшках пальцев и глубокие тени под глазами полицейской. Ее день тоже был изматывающим и долгим. А может, это Лес выпил ее силы. Лес, в котором заблудилась Альбина.

– Как бы там ни было, – сказала Оксана, поднимаясь, – я должна снова пойти туда. С вашей помощью или без.

– Тогда позвольте еще раз посмотреть ваши документы?

Вероника Витальевна протянула руку и долго крутила паспорт, просматривая страницы на свет и раздувая ноздри, чем неувлочно напомнила Белого.

– Налицо явное магическое вмешательство, – признала она, возвращая наконец паспорт. – Возможно, очень темная и очень сильная магия. Гораздо сильнее того, с чем я сталкивалась ранее. И все же не советую вам идти в Лес, вам нужно восстановить силы.

– Все равно.

– Это может быть опасно! – полицейская поднялась тоже. – А вы не в той форме, чтобы блуждать по Лесу в одиночку! Поверьте, там водится что-то похуже русалок и мертвецов! Попробуете послушаться, и я запру вас в камере на трое суток за хулиганство!

– Это шантаж, – побледнела Оксана.

– А Лес – не увеселительная прогулка на шашлыки! – она положила на плечо Оксаны ладонь и добавила уже мягче: – Пусть розысками пропавших занимаются специалисты, вам же настоятельно советую отдохнуть. И заодно подумать, кому вы могли насолить? Кому так важна ваша дочь? Родственникам? Мужу? Общим знакомым?

Вздвигнув, Оксана отстранилась, и это не осталось незамеченным.

– Вижу, вы знаете, кому, – подытожила полицейская. – А значит, расскажете мне. Давайте потратим оставшееся время именно на это.

И она достала из папки чистый бланк.

11. Кто ты будешь такой

Снилась полная луна, кроваво-красная и ужасающе огромная. Отчетливо проступали все кратеры и пятна, и Белому нравилось думать, что эти пятна – острова древнего Леса, который царствовал с начала сотворения земли в незапамятные времена карбона. Бежалось легко: лапы пружинили по влажному мху, в косматой шерсти гулял ветер, и было страшно и сладко. В такие моменты Белый чувствовал себя по-настоящему свободным, по-настоящему живым.

Мир, доселе ограниченный стенами детского дома и заключенный в замкнутую бесцветную петлю дом – школа – дом, оказался насыщен цветами, запахами и звуками. А еще кровью. Конечно, кровью.

В тот день отгрузку осуществляли небрежно, тащили говяжьи ребра, свиную вырезку и кости на холодец. Слегка подмороженное, мясо пахло до одурения сладко, и Герман, повинувшись еще неизведанному, но острому чувству, украдкой подхватил кусок брюшины. Он съел ее за мусоркой, давась жилами и задыхаясь от нахлынувшего наслаждения. Кровь текла по рукам, так что пришлось долго оттирать их о траву, а потом застирывать изгвазданную рубашку. О том, что кровь лучше отстирывается холодной водой, он узнал после того, как поймал и сожрал больного голубя. И каждый раз молча выслушивал ругань новой воспитательницы – Вера Ивановна, единственная, к кому Герман мог обратиться за советом, уволилась и переехала в другой город, – и он мучился от неправильности происходящего и подспудной вины. Вина душила, не давала спать по ночам, как не давал спать голод, ставший его постоянным спутником. В такие ночи Герман долго ворочался в постели, месил ногами одеяло и вонзал ногти глубоко в кожу живота. Желудок ныл, в виски будто загоняли раскаленные иглы – то были предвестники *изменения*, о котором Герман еще не знал, но которое надвигалось неотвратимо с каждым годом, приближающим его к тринадцатилетию.

Он знал, что попадет в ад, так говорила новая воспитательница.

Когда в детский дом иногда приезжал отец Сергей и рассказывал увлекательные, хоть и неизменно жуткие истории из книги, называемой Библией, Герман прятался на задней парте, грыз ногти и думал об огненном озере, в котором мучаются грешники – воры, убийцы, извращенцы, лелеющие дурные помыслы и грязные желания. Чувствуя на себе отпечатки животной крови, тайком оттирал ладони, но все равно не мог избавиться от запаха, который чувствовал только он один.

Ад поджидал снаружи, когда гасили лампы, за закрытыми шторами и деревянными рамами. Ад просачивался в щели и звал из подкроватной тьмы. Ад жил в желудке, ежемесячно требующем особую пищу. Герман терпел, пока можно было терпеть, но неизменно сдавался.

– Там очень страшно? – однажды решил спросить у отца Сергея.

Тот, задержавшись в кабинете за сбором бумаг и книг, обернул на мальчика задумчивые серые глаза.

– О чем ты, дружок?

– Об аде, – тихо ответил Герман и на всякий случай спрятал в карманы руки. – Воспитательница говорит о нем постоянно, а вы почему-то совсем не рассказываете.

– Потому что я считаю, детям не нужно знать о подобных вещах. Да, верование в ад присуще христианской мифологии, но попадают туда только очень и очень плохие люди.

– Я плохой человек.

Отец Сергей опустил на одно колено, заглянул Герману в лицо, и тот отвернулся, не в силах выносить пристального взгляда.

– Ты что-то натворил? – голос священника звучал мягко и немного печально.

Герман нашел силы кивнуть.

– Расскажешь?

«Я хочу есть», – хотелось признаться Герману, но нахлынуло уже знакомое, обжигающее чувство стыда. Он еще ниже опустил голову, жалея, что затеял этот разговор, высматривая пути к отступлению и внутренне сжимаясь от ожидания услышать если не ругань, то по крайней мере пространную проповедь, а поэтому сказал другое:

– Меня никто не любит.

– Дар любить – великий дар, им обладает не каждый, – после некоторого раздумья ответил отец Сергей. – Любить – значит, видеть красоту, а на это нужно желание и время. В Библии написано: нужно полюбить ближнего, как самого себя. А я скажу: прежде всего нужно полюбить себя, иначе все остальное теряет смысл. Познать и полюбить, понимаешь? Вот ты, друг мой, насколько ты знаешь себя?

Герман не понимал, поэтому неопределенно мотнул головой, на что отец Сергей улыбнулся и потрепал его по плечу.

– Узнай себя, – сказал он. – А когда узнаешь – приходи, и я помогу. Обещаешь?

Герман снова не понял ни слова, но на всякий случай кивнул.

Понимание пришло гораздо позже, в октябре.

Тлеющие костры распространяли душный запах жженой листвы. Ветер задувал в рамы, заставляя мальчишек плотнее заворачиваться в шерстяные одеяла – в спальнях гуляли сквозняки, а отопительный сезон никак не начинался. Поджимая босые ступни, Герман крался по комнате, вслушиваясь в дыхание спящих, в шорохи за окном, в мышиную возню под полом. Мерно отбивал минуты маятник – стрелки двигались к полуночи.

Осенняя прохлада отчасти помогала справиться с плохими мыслями, и рассохшаяся дверь балкончика поддалась на удивление легко.

Луна – темно-оранжевая, почти красная, – едва не касалась крыши. Герман запрокинул лицо и вдохнул осеннюю прохладу. В этот недолгий миг он ощутил вдруг долгожданное умиротворение, и подумал, что напрасно столько времени держал шторы закрытыми.

Короткий миг принятия и покоя перед тем, как *изменение* случилось.

Оно показалось сначала чудовищно болезненным. Ломались и гнулись кости, переплавляясь во что-то совершенно иное, отличное от человека. Суставы крошились. Клыки в кровь рвали губы и резали язык. И человеческим глазом Герман видел город, а волчьим – Лес. Реальный мир вывернулся наизнанку, рождая понимание, что все, чем Герман раньше жил, во что верил, о чем печалился – все это оказалось фальшивым и ненужным, осыпалось с него шелухой, лоскутками тонкой человеческой кожи, осколками традиций и правил. Что значили они по сравнению с пробудившимися звериными инстинктами и голодом? Сравнится ли удовольствие от чтения любимой книги, от дружеского общения, от первого поцелуя с преследованием обезумевшей от страха добычи? Воспоминания о далеких временах, когда двуногие дрожали в плохо освещенных сырых пещерах, пока снаружи бродили жаждущие крови желтоглазые твари, всплывали со дна генетической памяти неотвратимо и явственно, будто и не было миллионов лет эволюции, будто стерлись временные границы. Пусть вместо пещер теперь – дома из кирпича и бетона, пусть вместо жалкого костерка – электричество, пусть Лес обернулся в бегство под натиском городов, жизнь осталась такой же – в ней были добыча и были хищники. В этом, понял Герман, и заключалась истинная суть бытия.

Он проснулся, как просыпаются с похмелья. Под боком вибрировал телефон, и Белому пришлось долго ловить его непослушными пальцами – мышцы одеревенели, от каждого движения ребра пронизывала боль.

– Слушаю... – он наконец ответил на вызов, едва узнав в хрипе собственный голос.

– У меня планшет спятил! Фиксирует мощный магический всплеск! Что у вас происходит?

– Все... в порядке.

Белый сфокусировал взгляд, выхватывая из темноты стены с облупившейся под потолком краской, приоткрытую дверь, в которую сочился коридорный свет. В оконные рамы скреблись ветки клена. Луны не видно – уже хорошо.

– Хотелось бы надеяться! Друг мой, не заставляй меня разочаровываться снова! – голос Сергея Леонидовича казался усталым. – Почему я получаю совершенно дикие отчеты? Ты где вообще?

Храп соседа.

Запах медикаментов.

Шаги дежурной медсестры.

– В больнице, – ответил Белый и потрогал бок. Проникающее ранение поддиафрагмального пространства, кровотечение в плевральной полости и трещина в ребре. Хирургическое вмешательство было своевременным, хотя Белый сомневался, что необходимым. – Спонтанное пробуждение нежити, но смогли отбиться. Не хотел вас расстраивать, Сергей Леонидович.

– Не хотел, а расстроил. Ты обратился?

– Да, но приступ быстро купировали.

В трубке помолчали. Белый тоже молчал, ощупывал рану – повязку прихватила кровавая корка, хотя боль значительно притупилась. Скоро заживет, на Белом все заживало быстро.

– Ника не пострадала?

Это он об Астаховой, понял Белый, и ответил:

– Нет. Надеюсь, нет.

– Как она тебе?

– Стервозная баба. Я ей поперек горла, не любят легавые перевертней.

И сам же подумал: а кто их любит?

– Терпи, – тон Сергея Леонидовича из расстроенного быстро становился деловитым. – Как продвигается дело?

– Медленнее, чем хотелось бы. У нас еще один пострадавший. Пока живой, но в реанимации. Я тоже пробуду здесь... не знаю, как долго. Вытащите?

– Дурить не будешь? Скоро полнолуние.

Белый скрипнул зубами.

Охотничья луна. Он готов был поклясться, что услышал именно это тогда, в Оксаниной квартире. Любое полнолуние выбивало из привычной колеи, но октябрьское было особенно паршивым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.